

Геннадий Красухин

**Мои
литературные
СВЯТЦЫ**

квартал 2

Геннадий Красухин

Мои литературные святцы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11611380

ISBN 9785447414405

Аннотация

Автор этой книги потому и обратился к форме литературного календаря, что практически всю жизнь работал в литературе: больше 40 лет в печатных изданиях, четверть века преподавал на вузовской кафедре русской литературы. Разумеется, это сказалось на содержании книги, которая, сохраняя биографические данные её героев, подчас обрисовывает их в свете приглядных или неприглядных жизненных эпизодов. Тем более это нетрудно было сделать автору, что со многими литераторами он был знаком.

Содержание

Апрель	6
1 апреля	6
2 апреля	16
3 апреля	20
4 апреля	26
5 апреля	31
6 апреля	34
7 апреля	35
8 апреля	38
9 апреля	40
10 апреля	45
11 апреля	47
12 апреля	50
13 апреля	58
14 апреля	66
15 апреля	75
16 апреля	81
17 апреля	87
18 апреля	92
19 апреля	103
20 апреля	115
21 апреля	122
22 апреля	135

Мои литературные святцы

квартал 2

Геннадий Красухин

© Геннадий Красухин, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

Апрель

1 апреля

Конечно, символично, что наш великий сатирик Николай Васильевич Гоголь родился в День смеха или, как ещё называют этот праздник, в День дурака, – то есть 1 апреля 1809 года.

Предлагаю небольшой этюд, связанный с его комедией «Ревизор».

Скажите, пожалуйста, какой смысл Хлестакову клеветать на чиновников в своём письме приятелю Тряпичкину? «Ты, я знаю, пишешь статейки, – обращается к Тряпичкину Хлестаков: – помести их в свою литературу».

А он и не клеветет. Он просто описывает каждого, как тот ему, Хлестакову, раскрывается. И передаёт его в этом виде Тряпичкину, надеясь, что тот каждого «общёлкает хорошенько».

Итак!..

«Городничий – глуп, как сивый мерин». Ещё бы не глуп, если оказалось, что его так легко провести на мякине!

«Почтмейстер точь-в-точь департаментский сторож Михеев; должно быть, также, подлец, пьёт горькую». А уж департаментского сторожа Михеева Тряпичкин знает не ху-

же Хлестакова.

«Надзиратель за богоугодным заведением Земляника – совершенная свинья в ермолке». Гоголь, расписавший в «замечаниях для господ актёров» всех своих героев, вплоть до габаритов, знает, что Земляника предстанет перед Хлестаковым как «очень толстый, неповоротливый и неуклюжий человек», которого Хлестакову легко вообразить свиньёй. Он и воображает. И надевает на свинью-Землянику ермолку. «И неостроумно! – обиженно говорит Земляника.... – где ж свинья бывает в ермолке?» Нигде, конечно, не бывает. Кроме, как у Хлестакова, который не просто вообразил Землянику свиньёй, но надел на свиную голову – то ли кипу, в какой правоверные иудеи сидят в синагоге и не снимают во время еды, то ли головной убор знатного человека в Руси, то ли традиционную академическую шапочку. И в таком виде отправил Тряпичкину, которому, конечно, легко будет опознать в Землянике чванливую свинью.

А судья, которому льстят чиновники: «У вас что ни слово, то Цицерон с языка слетел». Подтвердит ли такое мнение о нём Хлестаков, если судья только что не мычит от неумения начать и поддержать разговор с ним? Какой уж там Цицерон при подобной поразительной невоспитанности! «В высшей степени моветон» – ещё один типажик, готовый для тряпичкинской литературы.

Но что прикажете делать Тряпичкину с Лукой Лукичём, о котором он прочтёт в письме: «Смотритель училищ про-

тухнул насквозь луком». Как ни крути, но с такой характеристикой его «в свою литературу», то есть в какой-либо фельетон не вставишь. На что ему этот провонявший луком типаж? Зачем вообще Хлестакову было сообщать о нём приятелю?

Ну, для того, наверное, чтобы подтвердить самого Гоголя, известившего о Хлестакове: *«несколько приглуповат и, как говорят, без царя в голове...»*. И там же – в тех же «замечаниях для господ актёров»: *«Он не в состоянии остановить постоянного внимания на какой-нибудь мысли»*. То есть, характеризуя Луку Лукича, Хлестаков, кажется, забыл, что пишет для Тряпичкина.

Услышав, что написал о нём Хлестаков, Лука Лукич божится зрителям: *«Ей-богу, и в рот никогда не брал луку»*. Но мы ему в этом не поверим. Трудно представить, для чего Хлестакову понадобилась такая экзотическая выдумка.

Ну, а Луке Лукичу с какой стати было нажираться луку, если он собрался появиться перед таким начальником, выше кого он никогда ещё не видел на свете?

Тем более что Лука Лукич очень выделяется среди чиновников, которых позвал Городничий в надежде, что сообщая они придумают, как справиться с поступившим ему «пренеприятным известием». Выделяется тем, что, в отличие от других, не способен высказать своё мнение: слишком труслив Лука Лукич для этого.

Ведь не так уж и бояться поначалу таинственного ревизио-

ра подчинённые Городничего. «*Как ревизор?*» – откликнутся уведомляющему их Городничему судья и попечитель богоугодных заведений. «*Вот те на!*» – разовьёт своё удивление от известия Городничего судья Ляпкин-Тяпкин. «*Вот не было заботы, так подай!*» – вторит ему Земляника. И только Лука Лукич затрепещет от страха: «*Господи боже мой! ещё и с секретным предписанием!*»

А аргументы, которые находит каждый из них в пользу того, что не он первый должен представиться петербургскому вельможе, каким они считают Хлестакова? Такого аргумента, который находит для себя Лука Лукич, не находит больше никто. Потому что он, кажется, единственный персонаж, который не увиливает, но говорит чистую правду: «*Не могу, не могу, господа. Я, признаюсь, так воспитан, что заговори со мною одним чином кто-нибудь повыше, у меня просто и души нет и язык как в грязь увял*».

Всего одним чином повыше!

Чистая, как я уже сказал, правда!

Именно, что страх Луки Лукича особенно понятен при рассмотрении чина, который он носит (а в «Ревизоре», представляясь Хлестакову, каждый чиновник называет, в каком он чине.) Лука Лукич в самом меньшем. Он – титулярный советник: чиновник IX класса – «ваше благородие» по формуле тогдашнего титулования. Судья коллежский асессор – чиновник VIII класса, почтмейстер и попечитель богоугодных заведений – надворные советники, чиновники VII клас-

са; все трое – «ваше высокоблагородие».

Наверняка, надворным является и городничий. Недаром частный пристав в последнем действии и его называет «вашим высокоблагородием». Да и ироническое отношение почтмейстера к угрозе Городничего: «*Я вас под арест...*» весьма показательно «*Кто? Вы?*» – презрительно переспрашивает почтмейстер. «*Да, я!*» – храбрится Городничий. «*Руки коротки!*» – бросает почтмейстер, и Городничему на это ответить нечем.

Конечно, Городничий мечтал бы стать «вашим высокоблагородием», то есть статским советником – тоже всего одним чином повыше – последним, кстати, чином перед вождельным им – генеральским. Но сделаться статским, возглавляя небольшой уездный город, – вещь, почти невозможная. Другое дело, если б городничий стоял во главе губернского. Но на это в пьесе нет даже намёка.

Может быть, пропасть между Лукой Лукичом (IX класс) и следующим чиновником (VIII класс) так же широка, как пропасть между чином городничего (VI класс) и статским (V класс; ваше высокородие), но проскочить её титулярному было куда более жизненно важно, чем городничему стать «высокородием». У Луки Лукича дело шло не только, и – главным образом – не столько об амбициях.

Лука Лукич достиг титулярного. Этот чин равен армейскому капитану. Но он не давал права на потомственное дворянство.

Если Лука Лукич из разночинцев, то, достигнув титулярного, он получил личное, непотомственное дворянство. Это значит, что личной дворянкой становилась его жена, но дети только почётными гражданами. Они освобождались от подушной подати, рекрутской обязанности и телесных наказаний. Но дворянами не становились и своим детям в наследство дворянство не передавали. То есть внуки личного дворянина дворянства не наследовали.

Потомственное дворянство начиналось с VIII класса, «всего одним чином повыше», чем на Луке Лукиче.

Ну, а если Лука Лукич – дворянин? И в этом случае достичь чина VIII класса – коллежского асессора ему будет очень нелегко. Дворянину для этого требовался университетский или лицейский диплом, или сдача соответствующего экзамена. Ведь с VIII класса чиновничество приравнивалось к штаб-офицерству, куда попасть было сложно.

Поэтому чтобы проскочить в коллежские асессоры, Лука Лукич готов заискивать перед всяким – *«всего одним чином повыше»!*

Но позвольте. Вспомните, как встречает Хлестаков своих визитёров. Почти зевая от судейского «моветонства». Вспоминая департаментского сторожа Михеича, скорее всего, столкнувшись с охотным почтмейстерским поддакиванием: *«Нужно только, чтобы тебя уважали, любили искренне...»* – *«Совершенно справедливо»*. Радуюсь, кажется, словоохотливому Землянике, но, услышав в его сплетнях и кляу-

зах самодовольное чванство. Конечно, свою дань «взаимы» он у каждого отбирает.

Так как же он их встречает? Предлагает вина, воды, фруктов?

Ну, не фрукты с вином, но всё же:

«— А, милости просим! Садитесь, садитесь. Не хотите ли сигарку? (Подает ему сигару.)»

Кому Хлестаковым предложена сигара? Судье? Попечителю богоугодных заведений? Почтмейстеру?

Нет, она предложена Луке Лукичу.

Но почему?

Потому что Хлестакову важно, чтобы закурил именно Лука Лукич?

Для чего?

Чтобы перебить запах, который Хлестаков учуял, едва зритель училищ появился в его комнате. О чём и уведомил своего петербургского приятеля Тряпичкина.

Зачем же Лука Лукич нажрался луку перед встречей с Хлестаковым?

А помните судебного заседателя, о котором шла речь в начале комедии? «...Он, конечно, человек сведущий, — резюмирует городничий, — но от него такой запах, как будто он сейчас вышел из винокуренного завода...» «Он говорит, что в детстве мамка его ушибла, — защищает заседателя судья, — и с тех пор от него отдаёт немного водкою». Слышит ли их разговор Лука Лукич? Несомненно. «Секретное

предписание», с которым должен появиться в городе чиновник, так напугало зрителя училищ, что он, скорее, побоятся пропустить что-нибудь для него важное из разговоров, будет улавливать и запоминать любую деталь, любую реплику. В том числе и реплику городничего: *«Есть против этого средства, если уже это действительно, как он говорит, природный запах: можно ему посоветовать есть лук, или чеснок, или что-нибудь другое».*

Лук, который перед визитом к чиновнику из Петербурга ел Лука Лукич, свидетельствует о настоящей буре, какая свирепствовала в его душе. Скорее всего, он решил выпить для храбрости. Выпил, возможно, немного, но немедленно испугался, что этим навредил себе ещё больше: Хлестаков может учуять винный запах.

Потому и схватился за лук, чтобы не дай Бог не показаться вельможной особе пьяницей!

Лука Лукич, кстати, обнаруживает, как мы должны отнестись к немой сцене комедии. В ответ на известие, сообщённое жандармом, писал «господам актёрам» Гоголь, *«вся группа должна переменить положение в один миг ока»*, а в ремарке пьесы добавил, что *«вся группа, вдруг переменявши положение, остаётся в окаменении»*. То есть становится коллективным памятником себе, где каждый запечатлён таким, каким он оказался в последний момент, внезапно выявляя свою сущность. Как, например, Лука Лукич, раскрывший в своей статуарности невероятную трусость – *«потеряв-*

шийся самым невинным образом».

Гоголь умер 4 марта 1852 года.

Антон Семёнович Макаренко вопросами детского воспитания занялся рано. По поручению Полтавского губнаробраза создал трудовую колонию для несовершеннолетних правонарушителей. В 1921 году колонии присвоено имя Горького. В 1926 её перевели в Куряжский монастырь под Харьковом. Заведовал ею с 1920 по 1928 годы. С 1927 до 1935 был одним из руководителей детской трудовой коммуны ОГПУ имени Дзержинского под Харьковом, в которой продолжал осуществлять на практике свою воспитательную систему, какой, кстати, очень интересовался Горький.

После книг о коммуне имени Дзержинского «Марш 1930 года» и «ФД – 1» (обе 1932) закончил своё главное произведение «Педагогическая поэма» (1925—1935).

Суть педагогического метода Макаренко: «Как можно больше требований к человеку и как можно больше уважения к нему».

Несмотря на поддержку Горького и других авторитетных деятелей культуры, Макаренко подвергался весьма острой критике. Во-первых, ему не верили. Во-вторых, чиновники провозгласили, что система Макаренко не есть система советская. В-третьих, склонная к мифологизму Крупская

выступила на съезде комсомола с придуманным рассказом о якобы рукоприкладстве Макаренко, за что его после этого уволили из Колонии имени Горького.

С другой стороны, люди, доверившие Макаренко воспитание детей, защищали его и его методы воспитания. «Педагогическая поэма» выдерживает несколько изданий. Привлекает внимание читателей и роман Макаренко «Флаги на башнях» (1938), и его автобиографическое сочинение – повесть «Честь» (1937—1938).

Макаренко умер 1 апреля 1939 года (родился 13 марта 1888-го). Но и после смерти его педагогическая система продолжала своё победное шествие, которое возглавили ученики Антона Семёновича.

А в 1988 году ЮНЕСКО приняло решение, отмечающее заслуги четырёх педагогов, их методов, их способов педагогического решения в XX веке. Это американский философ и педагог Джон Дьюи, немецкий педагог Георг Михаэль Кершенштейнер, итальянский врач, педагог, католичка Мария Монтессори и наш Антон Семёнович Макаренко.

2 апреля

Вместе со мной в «Литературной газете» работал Константин Багратович Серебряков. Одно время он заведовал всей корсетью «Литературки».

Он был фанатом, фаном, как сейчас говорит молодёжь, писательницы Мариэтты Сергеевны Шагинян (родилась 2 апреля 1888 года).

Однажды редакции понадобилось взять у Шагинян интервью, не помню уж по какому поводу. Та в это время была в Армении. Но Константин Багратович не хотел передоверить это дело нашему соббору. Он отбил большую телеграмму Шагинян, где умолял её дать интервью ему. Он готов был вылететь ради этого в Ереван. Или поговорить с ней в Москве, если она планирует вернуться в ближайшее время. Телеграмма Шагинян была намного короче и была встречена в редакции взрывом хохота: *«Костя прилетаю Москву завтра согласна дать»*.

Эту телеграмму Серебряков хранил в нагрудном бумажнике. Показывал каждому, как полученное удостоверение кавалера высшего ордена.

А Мариэтта Сергеевна в это время была уже очень всеильной писательницей. Лауреат сталинской премии 3 степени за книгу «Путешествие по Советской Армении». Лауреат ленинской за тетралогию «Семья Ульяновых» и очерки

о Ленине. Герой соцтруда. Член-корреспондент АН Армянской ССР.

В своё время начинала тоненькой книжечкой любовных стихов. Но перешла на прозу. Быстро сообразила, кто есть кто после Октябрьской революции. Под псевдонимом «Джим Доллар» написала серию агитационных повестей «Месс-Менд». В 1930—1931 взялась за освещение социалистического строительства: писала роман «Гидроцентральный».

«Семья Ульяновых» якобы была изъята на двадцать лет из-за того, что Шагинян открыла калмыцкое начало в отце Ленина. Однако книга была написана до депортации калмыков. И не в калмыцком начале отца Ленина было дело, а в еврейском происхождении матери. Шагинян открыла, что фамилия матери Ленина Бланк и что мать была дочерью выкреста. Говорят, что Суслов, узнав от неё такую новость, сказал: «Этого нам только не хватало!» Но на двадцать лет никто эту книгу не убирал. Её Лениниана берёт начало в 1937-м.

Некогда в первой своей книжке она писала:

*В эту ночь от Каспия до Нила
Девы нет, меня благоуханней...*

Занявшись Ленинианой, она приблизилась к руководству.

А. С. Щербаков писал в 1935-м Молотову: «В беседе со мной Шагинян заявила: „Горького вы устроили так, что он ни в чём не нуждается, Толстой получает 36 тыс. руб.»

в месяц. Почему я не устроена так же?.. «»

А чтобы так же устроиться, пишет не только о семье Лениных, пишет очерки о социалистическом производстве, о передовиках, о маяках и т. п. Избирается в Моссовет.

С детства она плохо слышит. Ходит с громоздким слуховым аппаратом. Кричит, приказывает. Если что не по ней, немедленно отключает аппарат.

В этом смысл эпиграммы:

*Железная старуха
Мариэтта Шагинян —
Искусственное ухо
Рабочих и крестьян*

В годы войны опубликовала книгу публицистических статей «Урал в обороне». В послевоенные годы – книгу «По дорогам пятилетки».

Её «Дневник писателя (1950—1952)» меньше всего похож на писательский дневник, но больше всего на некие бюрократические письма, к тому же написанные по принципу «Фигаро – здесь, Фигаро – там». Везде за эти два года побывала Шагинян – у представителей разных профессий. Всех одарила ценными советами. Всем после встречи с ней стало легче работать.

Разумеется, такой «Дневник» просто жаждал для своего разбора фельетонного жанра. И фельетон не замедлил

явиться. Его написал Михаил Лифшиц, а напечатал Александр Твардовский в «Новом мире» (1954. №2). Оба были наказаны. Лифшица перестали печатать. А Твардовского за статью Лифшица и ещё несколько в таком же духе сняли с поста главного редактора.

А на Шагинян льётся орденский звездопад. Она в фаворе у сильных мира сего. Кажется, что она, наконец-то, устроилась не хуже, чем когда-то Горький или Алексей Толстой. Во всяком случае, её собрание сочинений в 9 томах оплачивают не хуже, чем некогда платили Толстому.

93 года прожила Мариэтта Сергеевна. «Но, ах, никто не вечен». Умерла она 20 марта 1982 года.

3 апреля

Алексей Леонидович Решетов (родился 3 апреля 1934 года) – из семьи репрессированных. Отец расстрелян в 1937-м, мать после казахстанских лагерей была переведена во время войны на строительство Соликамского бумажного комбината. Позднее семья переехала в Березники (200 км от Перми).

Решетов начал писать стихи с 1953 года. В Союз писателей вступил в 1965 году после выхода его прозаической книги «Зёрнышки спелых яблок». Хотя к тому времени у него было несколько хороших поэтических книг.

Он поэт-лирик:

*Очевидно, кончается лето:
Приумолкли кукушки в лесу
Покраснели листья бересклета,
Паутинки скользят по лицу.
Правда, дни непогожие редки,
И приятно бродить с кузовком,
Но вечерние тихие речки
Обдают погребным холодком.
Ночью ветры играют с овсами,
Звёзды падают каплями слёз,
И, наверно, не счесть за лесами
Не прижившихся на небе звёзд*

Объяснять, чем хороши такие стихи, трудно. Они не поддаются прозаическому пересказу и в этом смысле сродни пейзажной живописи или музыке. В поэзии таким импрессионистическим стихом великолепно владел Фет. Решетов им владеет неплохо.

Нет, разумеется, я не утверждаю, что Решетов – последователь Фета. У него свой – особый – взгляд на природу:

*Набродиться летними лесами,
Лечь в траву, вздохнуть и замереть.
И почти закрытыми глазами
В небо полудённое смотреть.
Ощущать цветов благоуханье
И лучей скользящее тепло,
Думать: это женское дыханье
Чудом в глушь лесную занесло.
И внимать земле и небосводу
И, вернувшись в хмурое жильё,
Потерять, как женицину, природу,
Мучиться и сохнуть без неё.*

Конечно, есть у Решетова стихи и на другие темы. И всё же одухотворённый пейзаж – его родная стихия.

Умер Алексей Леонидович 29 сентября 2002 года.

Софья Абрамовна Могилевская (родилась 3 апреля 1903 года) одно детское время была моей любимой писательницей – автором «Марки страны Гонделупы».

Всё о ней я узнал уже после того, как прочитал любимую в детстве книгу. И что первой книгой её была «Лагерь на льдине» (1935) – о подвиге челюскинцев. И что Могилевская познакомилась с Иваном Кутяковым, чапаевским командиром, принявшим командование после смерти Чапаева. И что написала она повесть «Чапаёнок» (1938) после рассказов Кутякова.

Узнал я о том, что её первого мужа – инженера Александра Аронова арестовали на второй день войны 23 июня 1941 года. И через год расстреляли. А Могилевскую, несмотря на то, что недавно была издана её «Марка страны Гонделупы», которая принесла ей всесоюзную известность, выслали на поселение в Марийскую АССР. Она работает там в деревенском детском доме, где жили ссыльные крымские татары. Об этом Могилевская напишет в книге «Дом в Цибикнуре» (1949).

По окончании войны возвращена в Москву, где много и плодотворно пишет.

Позже, уже после её смерти узнал я о книге «Возвращение к юности», которую наследники издали в издательстве

«Знак» тиражом в 1000 экземпляров. Очень рекомендую.

И, наверное, неплохо было бы в память о талантливой писательнице пересмотреть фильм по её книге «Марка страны Гонделупы», снятый Юлием Файтом в 1977 году с Ией Савиной в главной роли.

Умерла Софья Абрамовна в 1981 году.

Николай Егорович Палькин (родился 3 апреля 1927 года) окончил Центральную комсомольскую школу при ЦК ВЛКСМ в 1955 году. С 1958-го член Союза писателей СССР. В 1966-м приглашён заведующим отделом культуры, литературы и искусства в областную партийную газету «Коммунист». В 1967 году избран ответственным секретарём саратовской писательской организацией, которой руководит 10 лет. В 1968 году окончил Балашовский педагогический институт. И в 1976 году назначен главным редактором журнала «Волга».

Ну что ж. К тому времени он был автором нескольких десятков книг поэзии, прозы и публицистики. На его стихи композиторы (в том числе и такие, как С. Туликов, В. Захаров, В. Левашов) написали немало песен. А его номенклатурное продвижение показывало, что в «Волгу» он пришёл надолго.

Увы, это не так. От обязанности главного редактора «Вол-

ги» он был освобождён уже в 1983 году. Причём освобождён за идейный прокол.

Дело в том, что писатель Михаил Алексеев написал роман «Драчуны», где, в частности, затронул тему голода 1933 года. Журнал «Наш современник» выдвинул роман на ленинскую премию. Понятно поэтому, что Николай Палькин ничем особенно не рисковал, когда поместил у себя в журнале (октябрь 1982) статью критика Михаила Лобанова, который особенно нажимал на те места в романе Алексеева, который не могли бы понравиться партийной верхушке.

Алексеев, поначалу обрадовавшийся статье Лобанова, почувствовав настроение в верхах, поспешил отмежеваться от критика. Тем более что пафос лобановской статьи заключался в том, что этим новым романом Алексеев поднялся над другими своими вещами и даже показал их фальшивость. Естественно, что такое прочтение исключало присуждение ленинской премии. Палькин же был вызван в партийные инстанции, где ему объяснили, что после такого уничтожения фактически всего творчества Алексеева, ему оставаться главным редактором нельзя.

Любопытно, что среди прочих премий, которыми удостоен Палькин, есть премия Саратовской области имени Алексеева, которую он получил в 2000 году.

В будущем Михаил Лобанов напишет статью, где поставит Палькина как редактора выше, чем А. Т. Твардовского. Поставит, конечно, без всяких на то оснований. Точнее, на ос-

новании того, что Палькин напечатал ту статью – его, Лобанова.

А других причин тут и быть не может. Легко сравнить судьбу постоянно кровоточащего «Нового мира» и однажды оступившейся «Волги». Избываемого, убиваемого и, в конце концов, убитого Александра Трифоновича Твардовского и снятого Палькина, который после отставки жил совсем не дурно. Получал, как видите, премию. И не одну. Прожил ещё двадцать лет. Умер 5 марта 2013 года.

4 апреля

Кронид Аркадьевич Любарский (родился 4 апреля 1934 года) был автором идеи учреждения в 1974 году Дня политзаключённого.

По специальности астрофизик.

Ещё студентом МГУ (мехмат, отделение астрономии) в 1953 году был организатором первого в послесталинское время открытого коллективного письма протеста в «Правду».

17 января 1972 года арестован по делу «Хроники текущих событий» (во время обыска изъято более 600 документов, книг, рукописей). В октябре 1972 осуждён на 5 лет ИТЛ. Отбывал срок в Мордовии, а потом за систематическое нарушение режима переведён во Владимирскую тюрьму. В лагере стал автором идеи учреждения в СССР Дня политзаключённого, разработал вместе с товарищами концепцию его проведения и распространил эту идею по другим лагерям и тюрьмам. С 1974 года 30 октября стал отмечаться нелегально как день политзаключённого в СССР, с 1991 года в России этот день стал официальным Днём памяти жертв политических репрессий.

В 1977 освобожден и определён жить в Тарусу. Вместе с Мальвой Ланда и Татьяной Ходорович наследовал у арестованного А. Гинзбурга распорядительство основанного

Солженицыным Фонда помощи политзаключённым. Вошёл в советскую группу «Международной амнистии».

За это снова против него возбуждаются «дела». Сперва за «тунеядство», потом «за нарушение правил надзора», потом опять «за антисоветскую агитацию». В результате власти выдавили Любарского из страны.

В эмиграции издавал информационный бюллетень «Вести из СССР» – по одному выпуску раз в две недели в течение 14 лет. С 1984 года издавал журнал «Страна и мир».

После перестройки вернулся в Москву в составе международной комиссии, расследовавшей обстоятельства гибели при Сталине Рауля Валленберга.

Был среди защитников Белого дома в августе 1991 года. А в октябре 1993-го организовал оборону здания радиостанции «Эхо Москвы».

Входил в состав Конституционного совещания. После принятия Конституции оно было преобразовано в Общественную палату при Президенте, из которой Любарский вышел, протестуя против развязанной войны в Чечне.

Погиб 23 мая 1996 года, утонув в океане во время поездки на остров Бали.

Книги Любарского (в том числе его переписка с отцом Сергеем Желудковым) изданы в России.

Феликс Иванович Чуев (родился 4 апреля 1941 года) снискал себе известность как отъявленный сталинист и антисемит.

Вообще он считался поэтом, выпускал книги, композиторы писали на эти стихи песни, но стихи были плохими. И он в конце концов перешёл на прозу. То есть, он продолжал писать стихи, но гораздо больше стало появляться его прозаических книг: «Стечкин», «Ильюшин», «Молотов», «Сто сорок бесед с Молотовым» и, наконец, сборник любовных историй про Сталина «Солдаты империи. Беседы. Воспоминания. Документы».

В многотиражке московского отделения Союза писателей к 100-летию Сталина, опубликовал стихотворение, которое оказалось акrostихом: «Сталин в сердце». Здесь он не врал. Он действительно восхищался этим человеком, отвергал любую его критику, призывал Молотова в свидетели, что начало войны формировалось по мудрому сталинскому плану.

Однако его акrostих не остался без ответа. Ответил поэт Александр Ерёменко. И тоже акrostихом:

*Столетие любимого вождя
Ты отмечал с размахом стихотворца,
Акrostихом итоги подведя*

*Лизания сапог любимых горца!
И вот теперь ты можешь не скрывать,
Не шифровать любви своей убогой.
В открытую игра, вас тоже много.
Жируйте дальше, если Бог простит.
Однако все должно быть обоюдным:
Прочтя, лизни мой скромный акrostих,
Если нетрудно. Думаю, нетрудно*

Ерёменко не зря призывает Чуева «лизнуть мой скромный акrostих»: прочтите сверху вниз заглавные буквы строчек и вы согласитесь: не зря!

После развала СССР часть бывших народных депутатов образовала самозванный Постоянный Президиум Съезда народных депутатов СССР, который возглавила Сажи Умалатова. Она награждала сторонников прежними советскими наградами и придуманными этим органом орденами. Так Феликс Чуев получил от Умалатовой звезду героя соцтруда.

Об этом есть почти в каждой сетевой заметке о Чуеве. Но одни честно указывают, что награда фальшива, а другие – без зазрения совести называют его героем соцтруда.

Умер Феликс 2 апреля 1999 года. Хоронили его как воина. Впереди всех наград (их, правда, у него было немного) на подушке лежала звезда героя соцтруда.

А куда она потом делась? Вот разыскания «Вечерней Москвы» от 25 мая 2012 года, корреспонденты которой побывали на Троекуровском кладбище:

«На некоторых надгробиях сверкают Звезды Героев, полученные от сомнительных организаций. Так, например, одна из таких организаций наградила знаменитого советского поэта, писателя и публициста Феликса Чуева званием Героя Социалистического Труда». Так что с подушки звезда скакнула на надгробье!

5 апреля

Сергей Яковлевич Алымов (родился 5 апреля 1892 года) за участие в революционной деятельности был сослан в 1911 году в Енисейскую губернию на вечное поселение. Оттуда бежал в Китай. В конце концов осел в Харбине.

Но в начале 1920-х довольно активно участвовал в литературной жизни Владивостока и Харбина. Писал стихи о Ленине, о Советской России.

Первая книжка «Киоск нежности» вышла в 1920-м. Стихи, собранные в ней, отдают ученичеством у Северянина, его эгофутуристической поэзией. Например:

*Звёзды – алмазные пряжки женских, мучительных
туфель*

*Дразнят меня и стучатся в келью моей тишины...
Вижу: монашка нагая жадно прижалась к пуфу
Ярко-зелёной кушетки. Очи её зажжены.
Скинуто чёрное платье. Брошено на пол, как святость...
Пламя лампадки игриво, как у румына смычок...
Ах, у стеблинных монахинь страсть необычно
горбата!..
Ах, у бесстрастных монахинь в красных укусах плечо!..
Но подхожу к келье-спальне... Даже берёзки в истоме!
Прядями кос изумрудных кожу щекочут ствола...*

*Даже берёзка-Печалка молится блюду святому,
Даже берёзкины грёзы об исступлениях зла!..
Ближе... К дрожащему телу прискорпионились чётки...
Два каблука, остродлинных бьются поклонами в пол.
«А... каблуки?!.. Куртизанка?! – Нет!
не отдамся кокотке...»
И убегаю... А в сердце: «О, почему не вошёл?»*

Издав ещё несколько книг и переселился в Москву.

Но ОГПУ, видимо, следило за поэтом, жившим прежде в Харбине. Алымова в начале 1930-х отправляют в исправительно-трудовой лагерь «Беломорско-Балтийский канал имени Сталина». Однако должность, которую он там получил, говорит о доверии чекистов: он редактировал газету для заключённых.

После возвращения в Москву в 1931-м писал преимущественно тексты советских патриотических песен. Некоторые известны и по сей день: «Вася-Василёк», «Хороши весной в саду цветочки», «Краснофлотский марш».

Небольшой, правда, вышел скандал с песней «По долинам и по взгорьям».

Я пел эту песню в школьном хоре. И всегда ведущий объявлял: «музыка Ильи Атурова, слова Сергея Алымова».

И вдруг – гром среди ясного неба: не писал Алымов слов этой песни. У неё – другой автор – Пётр Семёнович Парфёнов!

Причём это, оказывается, выяснилось давно. Роль Алы-

мова здесь была ничтожной: отредактировал пару строк.

Но в 1937 году Пётр Семёнович Парфёнов был арестован и расстрелян. Авторство песни передали её редактору. Только в 1962 году ей возвращают подлинного автора. Причём для этого понадобился суд.

Заинтересовавшись этой историей, я много прочёл небольших статей об Алымове. И нигде не нашёл, что он хотя бы просил снять его имя с не принадлежащего ему текста.

Он погиб в автомобильной катастрофе 29 апреля 1948 года. И хотя в его честь одно время назывался ходивший по Волге пароход, нехороший осадок остался. Тем более что далеко не везде пишут: текст Парфёнова, отредактированный Алымовым. Попадают до сих пор и такие публикации, где сказано просто: текст Алымова!

6 апреля

Александр Иванович Герцен (родился 6 апреля 1812 года) настолько известен, что нужды нет рассказывать его биографию, перечислять его художественные и публицистические вещи, характеризовать их.

Ограничусь его небольшой максимой – выпиской из дневника:

Истинное, глубокое раскаяние очищает не только от события, в котором раскаивается человек, но вообще очищает от всей пыли и дряни, наносимой жизнью. Небрежность людская позволяет насесть пыли, паутине на святейшие струны души, гордость не позволяет видеть, – паденье – и тотчас раскаяние (если натура не утратила благородства), человек восстанавливается, но гордости нет, нет сухости, в нем трогательная грусть – он стыдится и просит милосердия, он делается симпатичен падшему.

Умер Герцен 21 января 1870 года.

7 апреля

Марка Александровича Поповского я встретил в доме творчества писателей в Малеевке. Мы быстро сблизились. Он дал мне прочесть рукопись его книги «Дело академика Вавилова». Уже тогда – а было это в начале семидесятых – меня поразило обилие документального материала. «*Как вам удалось его добыть?*» – спросил я. «*Секрет фирмы!* – шутя ответил он. – *А если серьёзно, удалось раздобыть допуск в архивы обманным путём*». Но детализировать не стал: «*Я многих подведу, если назову фамилии*», – объяснил. И я, естественно, не настаивал.

Но своё восхищение работой я ему тогда же и высказал.

Как я обрадовался, когда прочитал рецензию Сергея Довлатова на эту книгу. Она была издана в Нью-Йорке, куда уехал в эмиграцию Поповский.

Вот – цитата из Довлатова как раз по поводу того, что и меня интересовало:

Я хорошо помню обстановку в редакции газеты «Советская Эстония», где мне довелось работать в начале 70-х годов. Если какие-нибудь материалы отдела науки казались редакционным цензорам непроходимыми, если герои научных очерков вызывали сомнение у начальства, сотрудники отдела бежали звонить в Москву Марку Поповскому, рассчитывая

на его авторитет и связи, на его умение «проталкивать» сомнительные статьи и корреспонденции. Мы умоляли Поповского о содействии, и, надо сказать, во многих случаях таковая апелляция завершалась успешным результатом.

Однако лишь много лет спустя выяснилось, что официальная деятельность Поповского, его репутация чуточку строптивного, но в целом лояльного советского писателя была лишь частью его жизни, его человеческого и творческого облика. Укрываясь маской дерзкого, но в глубине души правоверного литератора, Поповский годами собирал материалы для своих главных книг, которые невозможно было издать в советских условиях, вёл образ жизни конспиратора и заговорщика, правдами и неправдами получая доступ к самым секретным источникам, черпая из них якобы лишь косвенные штрихи и детали для своих официальных книг. Кто-то, может быть, назовёт это «двойной жизнью» или «опасной игрой», а самые целомудренные читатели, возможно, усмотрят здесь и долю лицемерия, но так или иначе – лишь благодаря уму, ловкости, бесстрашию или хитрости Поповского (называйте это как угодно) в нашем распоряжении – многие подлинные и неопровержимые свидетельства, которые хранились, что называется, за семью печатями и казались советским властям – навеки похороненными... На этих документах построена лучшая книга Марка Поповского – «Дело академика Вавилова».

А конец рецензии Довлатова – просто подарок автору:

Предоставим слово одному из благодарных читателей нового произведения Марка Поповского:

«Книга показывает истинное, не искажённое официальной ложью, лакировкой и полуправдой величие Николая Вавилова...».

И дальше.

«...Я сожалею, что не был знаком с этой книгой, когда Марк Поповский находился ещё в СССР. Эти строки – дань моего уважения автору...»

Под этими словами стоит подпись академика Сахарова, прочитавшего книгу в самиздатской рукописи и переславшего свой отзыв на Запад летом 1978 года...

Умер Марк Александрович 7 апреля 2004 года (родился 8 июля 1922-го).

8 апреля

Владимира Александровича Соловьёва (родился 8 апреля 1907 года) я встречал в домах творчества. Как правило, они сидели за одним столом с Виктором Розовым, заядлым филателистом и картёжником.

Надо сказать, что по этой части Владимир Александрович не уступал Розову, и я, когда обнаруживал их каждый вечер в холле какого-нибудь этажа за картами, удивлялся: когда они успевают писать? Розов написал немало пьес, а уж Владимир Александрович их написал столько, что, кажется, не было в этот день в стране какого-нибудь театра, который не играл бы его пьесу.

Играли они, разумеется, не вдвоём: то Шток, если он в это время был в доме творчества, подсаживался. То Прут. Иногда Юлик Эдлис. Но Юлик не очень любил их игры. *«Крупно играют, – объяснял он мне, – так можно и без штанов остаться».*

Такие вещи Соловьёва не занимали. Деньги у него были и немалые. Однажды при мне дал партнёру 2 тысячи для продолжения игры.

Но, в отличие от Розова, почти невозмутимого, хотя когда проигрывал, злого, Соловьёв был очень шумным игроком. Его голос почти не смолкал.

Кто он такой? Драматург, как я уже сказал. Получил две

сталинские премии. Обе 2 степени. За пьесу «Фельдмаршал Кутузов» в 1941-м и за пьесу «Великий государь» в 1946-м.

Его привлекали исторические темы. Причём свои пьесы он писал и в прозе и в стихах.

Кстати, «Великий государь» (о Грозном) он после смерти Сталина переделал. При Сталине он показывал, что Грозный просто обязан, как настоящий правитель, применять насилие. После Сталина Грозный в его пьесе в основном кается за совершённые преступления.

Он всегда попадал, так сказать, в жилу. В 1938-м написал пьесу «Чужой» – о вредительстве в промышленности. В 1948 пьеса «Дорога победы» развивала модную тему о подпольщиках. Ещё раз он напишет о том же в 1958 в пьесе «Опасная профессия».

Словом, он всегда поспевал за временем. Но хорошим драматургом не был.

Розов, конечно, был выше него на много голов.

Но в картах больше везло Соловьёву, который скончался 30 января 1978 года.

9 апреля

Лев Зиновьевич Копелев (родился 9 апреля 1912 года) рано окунулся в революционную борьбу. Уже в 1929-м его арестовали за сочувствие к троцкистско-зиновьевской оппозиции и продержали в тюрьме 10 дней.

В начале тридцатых он был одним из «тридцатитысячников», поехавших в деревню от Харьковского паровозостроительного завода имени Коминтерна, наблюдал за Голодомором. Позже описал свои впечатления в мемуарной книге «И сотворил себе кумира».

С 1938 года преподавал в МИФЛИ.

В 1941 году записался добровольцем в Красную армию. Служил переводчиком. В 1945 году Копелев арестован за резкие высказывания о насилии советской армии на территории Германии. Приговорён к 10 годам заключения, и оказался в «шарашке» Марфино, где встретился с Солженицыным.

В 1954-м освобождён, в 1956-м реабилитирован. Восстановился в партии. В 1957—1969 преподавал в Московском полиграфическом институте и Институте истории искусств.

С 1966 года активно участвует в правозащитном движении. В 1968 году исключён из партии и из Союза писателей, уволен с работы за подписание протестных писем против преследования диссидентов и советской агрессии в Че-

хословакии. Начал распространять свои книги через самиздат.

Дружил с Бёллем, благодаря которому устроился на работу в Веппертальский университет, когда его лишили советского гражданства. Позднее преподавал в Кёльнском университете, где стал почётным доктором.

В 1990 году советское гражданство Копелеву было восстановлено.

Свою жизнь описал в трёх книгах: «И сотворил себе кумира» (1987) – о детстве и юности, «Хранить вечно» – о конце войны и первом заключении и «Утоли моя печали» (1981) – так называлась церковь, перестроенная под «шарашку», где Копелев находился в заключении.

Надо отдать должное исключительной честности, с которой ведёт себя Копелев с Солженицыным. Удивительно, что, читая их полемику, кто-то может встать на сторону Солженицына. Всё, о чем пишет Копелев, документально выверено.

Так получилось, что, благодаря Копелеву, мир узнал прекрасного писателя (Копелев принёс и передал А. Берзер, которой доверял Твардовский, «Ивана Денисовича» для публикации в «Новом мире»). Но и благодаря Копелеву, мир узнал истинную нравственную сущность человека, который сам себя вознёс над человечеством.

Умер Лев Зиновьевич 18 июня 1997 года.

Леонид Николаевич Майков (родился 9 апреля 1839 года) – младший брат всех своих родных братьев.

Как и они, он тоже очень талантлив, целиком поглощён наукой. С 1868 года он профессор Археологического института. В 1882 назначен помощником директора Императорской публичной библиотеки. В 1889 году избран академиком, в 1893 году назначен вице-президентом Академии наук.

Занимался Русским географическим обществом, археологической комиссией, был редактором «Журнала Министерства народного просвещения» (1882—1890).

Важнейшие его работы посвящены литераторам XVIII века – Симеону Полоцкому, Ломоносову, Василию Майкову, Сумарокову, Крылову. Работы по истории русской журналистики, старинной русской повести, истории русских суеверий собраны в книгу «Очерки из истории русской литературы XVII и XVIII в.» (1889—1893).

В 1889 году при содействии библиографа и историка литературы Владимира Ивановича Саитова вышло с величайшей тщательностью отредактированное собрание сочинений К. Н. Батюшкова. Приложенная к нему майковская автобиография поэта есть обзор литературной жизни Александровской эпохи.

В 1891 году систематизировал и отредактировал собрание

сочинений своего брата Валериана. Умер 20 апреля 1900 года.

Я не согласен с гипотезой Леонида Николаевича о возникновении русских былин. Он считает, что былины Владимирова цикла – отзвук исторической жизни киевского удельного периода. Я считаю, что речь в данном случае идёт о мифологии, а не о действительной истории. А с точки зрения мифологии, былины – это рассказ о стихийных явлениях. Богатыри – олицетворение этих явлений и отождествление их с древними славянскими богами. Но вместе с тем, признаю, что с аргументами Л. Н. Майкова надо считаться.

Андрея Кучаева я помню по постоянным визитам в клуб 12 стульев «Литературной газеты». Он (родился 9 апреля 1939 года) считался одним из лучших газетных «хохмачей», поэтому – где он, там и смех.

Андрей Леонидович многое умел: писал стихи, рассказы, сценки. Кроме того, он вёл студию, из которой вышли Игорь Иртеньев и Александр Кабаков.

После перестройки он написал книгу «Записки счастливого эмигранта» (2001). А одной из первых его фраз была: «Мы умеем сжигать мосты не только за, но и перед собой».

Он уехал в Германию в 1995 году. Напечатал там немало хороших произведений. Не хуже, чем печатал в России.

Умер в городе Оберхаузене 27 мая 2009 года.

10 апреля

10 апреля 1937 года родилась замечательная русская поэтесса Белла Ахатовна Ахмадулина. Стихи её у многих на слуху.

Многие знают и о её невероятно мужественном поведении в советское время, когда она, казалось бы, ничего не боялась.

Воспользовавшись тем, что её выбрали в академики Французской академии, она подписывает этим почётным титулом письмо в адрес Академии Наук СССР оскорблённая тем, что академия отказалась взять под защиту своего действительного члена – Андрея Дмитриевича Сахарова. И сколько таких писем и заявлений на счету у этой бесстрашной женщины!

Умерла она 29 ноября 2010 года.

У Владимира Викторовича Колесова (родился 10 апреля 1934 года) много наград и премий. Он заведует кафедрой русского языка филологического факультета Санкт-Петербургского университета, автор более 500 работ по исторической акцентологии, исторической фонологии, исторической фонетике русского языка. Автор пятитомника «Древняя Русь: наследие в слове» (2000—2001).

Но мне больше всего нравятся такие его книги, как «Занимательные рассказы из истории русского языка», «Как слово наше отзовется», «Старая пословица не даром молвится», «Гордый наш язык».

Владимир Викторович обладает талантом просто и очень занимательно рассказывать читателю о русском языке. Причём читателем может быть и ваш ребёнок. Колесов пишет весьма доступно. Так что очень советую купить его книги детям. Если, конечно, вы сумеете их купить. В магазинах они не залёживаются.

11 апреля

Всеволод Борисович Азаров в 1930 году на манёврах Перекопской дивизии познакомился с писателем Матэ Залкой. Тот дал семнадцатилетнему юноше рекомендацию в ленинградский журнал оборонной литературы «Залп». Приехав в Ленинград, Азаров вступает в литературное объединение Красной Армии и Флота. Его учителями становятся Н. Тихонов, А. Прокофьев, Вс. Рождественский.

В 1931 году Азаров публикует первое стихотворение. А в 1932-м первую книжку «Мужество». Вслед за ней, в 1933-м, – «Спать воспрещено». В 1936 году Азаров знакомится с немецким певцом Эрнстом Бушем, сочиняет русский текст для его «Песни народного фронта». Тогда же он замыслил поэму «Товарищ Тельман» (напечатана в 1956-м).

С начала войны работает корреспондентом в редакциях фронтовых газет в Кронштадте. Участвует в работе писательской группы при Политуправлении Балтийского флота, возглавляемой Вс. Вишневским. В осаждённом Ленинграде выходит книга очерков «Кронштадт ведёт бой» (1941) и книга стихов «Ленинграду» (1942). Вместе с Вс. Вишневским и А. Кроном в 1942 году пишет героическую комедию «Раскинулось море широко...»

После войны выпускает несколько лирических сборников, ведёт работу по межреспубликанским творческим свя-

зям, переводит поэтов народов СССР. Наконец, руководит литературным объединением «Путь на моря», откуда вышли несколько известных писателей-маринистов.

Он автор документальной повести «Всеволод Витальевич Вишневецкий» (1966, 1970).

Хороший он был поэт? Неплохой. Вот прочтите его стихотворение «Старое танго»:

*Весенний шум со всех сторон
Летел вдогонку.
А я был по уши влюблён
В одну девчонку.
И под небес голубизной
Необычайной.
Делилась музыка со мной
Своею тайной.
В тех незатейливых словах,
В простом звучанье,
Угадывался крыльев взмах
И обещанье.
Как будто звали паруса,
Морские мили...
О, эти чёрные глаза
Меня пленили.
Я вспомнил много лет спустя
Об этом миге
У композитора в гостях,
В старинной Риге.*

*Путь прошагав нелёгкий свой,
В ладонях слабых
Он поднимал над головой
Не бремя славы.
Смирняя каждый нотный знак
Своею властью,
Мелодию слагал чуждак,
Нёс людям счастье.
Певучей прочности запас
Не знает срока,
Как Штраусом рождённый вальс,
Как танго Строка.
Стыл на ветвях весенний дым
И скрипка пела,
Прощаясь с мастером седым
В капелле белой
И у берёзовых стволов,
В купели света
Мы вспоминали ту любовь,
Что недопета.*

Умер Всеволод Борисович 11 апреля 1990 года. Родился
14 мая 1913-го.

12 апреля

Елизавета Ивановна Дмитриева (родилась 12 апреля 1887 года) с семи до шестнадцати лет была больна чахоткой. Из-за этого на всю жизнь осталась хромой. Училась прекрасно. Василеостровскую гимназию закончила с золотой медалью. В 1908 году окончила Императорский женский педагогический институт по двум специальностям: средневековая история и французская средневековая литература. Одновременно слушала лекции в Петербургском университете по испанской литературе и старофранцузскому языку. После чего непродолжительное время училась в Сорбонне, где познакомилась с Гумилёвым.

Вернувшись, преподавала русскую словесность в Петровской женской гимназии, печатала переводы из испанской поэзии в теософских журналах, посещала вечера на «башне» Вяч. Иванова, где завязалась её близкая дружба с М. Волошиным.

Лето 1909 года Дмитриева провела в Коктебеле у Волошина, где родилась идея литературной мистификации. В «Аполлоне» появляются стихи некой Черубины де Габриаки, которые всем нравятся. Их приветствуют И. Анненский и Вяч. Иванов. Разоблачил Черубину М. Кузмин, выведший телефон Дмитриевой. Следующая подборка Черубины заканчивалась стихотворением «Встреча», подписанная

подлинной фамилией Дмитриевой.

Это вызвало тяжёлую невралгию поэтессы: её разрыв с Гумилёвым и Волошиным, которые затеяли скандальную дуэль. Особенно оскорбило Васильеву утверждение искусствоведа и издателя журнала «Аполлон» С. К. Маковского, что за Дмитриеву писал Волошин. Она написала Волошину:

Я стою на большом распутье. Я ушла от тебя. Я не буду больше писать стихи. Я не знаю, что я буду делать. Макс, ты выявил во мне на миг силу творчества, но отнял её от меня навсегда потом. Пусть мои стихи будут символом моей любви к тебе.

Дмитриева надолго оставила писание стихов.

В 1911 году она вышла замуж за инженера-мелиоратора Всеволода Николаевича Васильева и приняла его фамилию. После замужества много с ним путешествует. В основном по делам «Антропософского общества». Антропософия становится её серьёзным увлечением. И, видимо, проникает в стихи. Прежняя гладкость стиля сменяется обострённым чувством ритма. В основе новых стихов – духовность.

Но в России – советская власть. Как дворян, Васильеву с мужем арестовывают и высылают из Петрограда. Она оказывается в Екатеринбурге, где руководит объединением молодых поэтов, знакомится с Маршаком и пишет с ним пьесы.

В июне 1922 возвращается в Петроград, работает в литчасти театра юного зрителя, занимается переводами с испанского и старофранцузского. Пишет повесть для детей «Ми-

клухо-Маклай». Уходит из театра и устраивается на работу в библиотеку Академии наук.

В 1926 году во время репрессий по отношению к русским антропософам, её арестовывают, во время обыска забирают весь архив и ссылают на 3 года в Ташкент. В 1927 году, по предложению близкого друга последних лет, китайста и переводчика Ю. Щуцкого, создаёт новую мистификацию – цикл семистиший «Домик под грушевым деревом», написанных от имени «философа Ли Сян Цзы», сосланного на чужбину «за веру в бессмертие человеческого духа».

Последним стихотворением Дмитриевой-Васильевой оказалось вот это:

*Прислушайся к ночному сновиденью,
не пропусти упавшую звезду...
по улицам моим Невидимую Тенью
я за тобой пройду...
Ты посмотри (я так томлюсь в пустыне
вдали от милых мест...):
вода в Неве ещё осталась синей?
У Ангела из рук ещё не снят крест?*

Оно датировано 12 июля 1928 годом. А 5 декабря 1928 года поэтесса умерла в Ташкенте.

Леонид Петрович Дербенёв (родился 12 апреля 1931 года) прежде чем стал популярным поэтом-песенником, напечатал собственные (непесенные) стихи, переводил поэтов из советских республик.

Но, конечно, всё это не сравнится с текстами его песен. И даже не всех песен, а с теми, что звучат в фильмах Гайдая «Кавказская пленница, или Новые приключения Шурика», «Бриллиантовая рука», «Иван Васильевич меняет профессию».

Его песни исчисляются сотнями. Их исполняют и отдельные актёры и всякого рода ВИА.

И всё же выше всех я ставлю его песни из фильмов Гайдая. Умер Дербенёв 22 июня 1995 года.

Тита Михайловича Коржикова, крупного хозяйственника, отца Виталия Титовича Коржикова (родился 12 апреля 1931 года) арестовали и расстреляли в 1937-м, а мать много лет провела в лагерях.

Коржикова воспитывали родственники из Мелитополя. Во время войны они были в эвакуации в Алма-Ате. По-

сле войны вернулись в Мелитополь. Но попытка Коржикова поступить на факультет журналистики МГУ оказалась бесперспективной. Коржиков год проучился в Мелитопольском пединституте, а потом сумел перевестись в Московский государственный педагогический институт.

Распределили его на Сахалин, где он, помимо имевшейся уже профессии учителя, освоил профессию моряка. Там же стал публиковаться. В 1958 году выпустил первый стихотворный сборник «Морской конёк». После нескольких последующих книг стихов стал печатать повести для детей, которые принесли ему популярность: «Первое плавание» (1961), «Мореплавания Солнышкина», «Коготь динозавра» (обе – 1979), «Волны словно кенгуру» (1989).

Прекрасная полубыль-полусказка «Даёшь!» о приключении судна с годами разрослась в тетралогию.

Мне посчастливилось присутствовать на чтении Виталием Титовичем своих произведений детям. Был в командировке на Дальнем Востоке. Посоветовали сходить на авторский вечер Коржикова. Господи, с каким удовольствием слушали писателя дети. Как долго потом тормозили, спрашивали о жизни, делились своим.

И хотя Виталий Титович к тому времени уже не писал стихов, хочется процитировать его «Кораблик совести». На мой вкус, Коржиков не только прекрасно прописал свой портрет, но и дал чудесную зарядку психике своего читателя:

*В начале давнего пути,
В начале повести
Ты подхватил меня: «Лети!» —
Кораблик совести!*

*Ты подхватил. А век дрожал,
А век неиствовал.
Но ты на совесть курс держал,
Своё насвистывал.*

*Нам рано выпало мужать
В сплошной бедовости.
Зато мы знали: так держать,
Кораблик совести!*

*И там, где в ярости крепчал
Заряд свинцовости,
И ты под рёбра получал,
Кораблик совести!*

*И нам под вызов: «Не скули!» —
Неуспокоенный,
Не раз случалось на мели
Хлебать пробоиной.*

*Но сколько б в жизни ни хлебал,
Дитя рисковости,
Ты выплывал, ты выгробал,
Кораблик совести!*

*Ты не был служкой воротил
При густопсовости,
Хоть часто мачтами платил,
Кораблик совести.*

*Ты выносил не раз меня,
Чтоб с жизнью встретиться.
Три ходовых твоих огня
Повсюду светятся.*

*Быть может, я в конце пути,
Не лучшей повестью,
А ты плыви! А ты лети,
Кораблик совести!*

*Кто б нам ни прочил укорот
В лихой суровости,
Живёт народ, пока живёт
Кораблик совести!*

Умер Виталий Коржигов 26 января 2007 года.

Первая жена Константина Симонова, который посвятил ей поэму «Пять страниц» (1938), Наталья Викторовна Соколова (родилась 12 февраля 1916 года) была племянницей

известного литературоведа Лидии Яковлевны Гинзбург.

В 1938 году окончила Литературный институт. Выпускала книги в жанре фантастики или, как их лучше определяют, – в жанре городской сказки.

Но в последние годы жизни работала над большим мемуарно-архивным повествованием о своей жизни и о своих современниках.

Очень советую почитать «Осторожно, волшебное! Сказка большого города» (1981), «Два года в Чистополе 1941—1943. Литературные воспоминания» (2006).

Последняя книга – посмертное издание. Наталья Викторовна скончалась 25 сентября 2002 года.

Но если есть время, посидите в библиотеке над подшивкой журнала «Вопросы литературы», который тоже в это время (начало нулевых) печатал воспоминания и письма Натальи Викторовны. Многие известные литераторы предстают в них по-новому.

13 апреля

Кирилл Васильевич Пигарёв (родился 13 апреля 1911 года) – правнук Ф. И. Тютчева, сын Екатерины Ивановны, внучки поэта.

С 1932 года он – сотрудник мурановского музея. А в 1949—1980 – директор музея-усадьбы «Мураново» им. Тютчева. С 1949 он ещё и научный сотрудник ИМЛИ. Докторскую диссертацию защитил, однако, не по Тютчеву, а по Фонвизину.

Кстати, кандидатская у него была не по филологии, а по истории. И первая книжка, вышедшая во время войны «Солдат-полководец. Очерки о Суворове» (1943), была посвящена не литератору. О Фонвизине он выпустил книгу в 1954 году. Но после этого полностью сосредоточился на изучении своего прадеда.

О Тютчеве замечательную книгу написал зять поэта, писатель Иван Аксаков. В этом смысле книга Пигарёва «Жизнь и творчество Тютчева» (1962) – лучшая после аксаковской.

Остаётся пожалеть, что в «ЖЗЛ» обитает книга Кожинова о Тютчеве. То, что было добыто Аксаковым и Пигарёвым именно исследованием, Кожинов не то что проигнорировал, но вовсе дофантазировал.

Кирилл Васильевич является составителем и редактором академического двухтомника Тютчева. Печатать тексты

Тютчева – очень нелёгкое дело. Сам Тютчев к своим стихам относился равнодушно. Зачастую не читал даже корректуры. Так что перед правнуком возникали проблемы. Но он, великолепный учёный, многие из них решил.

Он же многое сделал для сохранения музея-усадьбы «Мураново». Это памятник русской дворянской культуры XIX-начала XX века.

В прошлом в Муранове (Подмосковье) жили находившиеся между собой в родстве семейства Энгельгардтов, Боратынских, Путят и Тютчевых.

До наших дней сохранился дом, построенный в 1842 году по собственным чертежам поэта Евгения Боратынского (поэт Боратынский взял себе литературный псевдоним: Боратынский).

Музей был открыт после смерти последней хозяйки Муранова О. Н. Тютчевой в 1920 году. В 1924 году его возглавил внук поэта Николай Иванович Тютчев. Он многое сделал для музея: нашёл и пополнил его экспозицию.

Ну, а поддерживал порядок в находящихся на территории усадьбы каменной церкви Спаса Нерукотворного (домового храма семьи Путят-Тютчевых), флигеля вдовы поэта Э. Ф. Тютчевой и так называемого детского домика Кирилл Васильевич Пигарёв, скончавшийся 19 мая 1984 года.

Читаю:

*Терек, Терек, ты быстёр,
Ты ведь не овечка.
В порошок меня бы стёр
Этот самый речка.*

И. А. Лермонтов (Пселдонимов)

Последняя строчка явно указывает на кавказский акцент. Но какая связь между горной рекой и овечкой?

*Вот мельница. Она ещё не развалилась.
И. А. Пушкин (Пселдонимов)*

Элегическая строчка, действительно похожа на какую-нибудь из пушкинского «Вновь я посетил».

Но кто этот Пселдонимов, подписывающийся то Лермонтовым, то Пушкиным, наделяющий обоих поэтов одинаковыми инициалами?

Это какой-то оставшийся ненужным Илье Ильфу персонаж. Может быть прообраз Никифора Ляписа? Во всяком случае, читать записные книжки Ильфа очень интересно: узнаёшь какие-то фразы из их с Петровым знаменитых рома-

нов – погружаешься в записи как в творческую мастерскую.

Илья Арнольдович Ильф прожил недолго – всего 39 лет. Умер 13 апреля 1937 года. Родился 15 октября 1897-го. Удивительно, как много сделал за небольшой отпущенный ему период времени этот человек. Его записные книжки показывают, что именно он, Ильф, был главным выдумщиком в славном тандеме.

И ещё.

Готовясь написать эту заметку, я перечитал их творчество – Ильфа и Петрова и обнаружил, что порой они ориентировались на совершенно определённые литературные образцы, которые легко опознавались в их текстах.

Например, водевиль «Сильное чувство».

Рита. Водки, безусловно, не хватит. Три бутылки на пятнадцать человек! Это не жизнь, мама!

Мама. Рита, ведь не все же пьют!

Рита. Именно все, мама! Бернардов пьёт, Чуланов пьёт, Сегедилья Марковна пьёт, доктор, вероятно, тоже пьёт...

Мама. А будет доктор? Мне что-то не верится. Лечить таким неприличным способом, этим ужасным буриданом...

Рита. Оставьте, мама! Теперь все это впрыскивают! Значит, доктор, очевидно, пьёт. Лев Николаевич и Антон Павлович пьют, как звери. Стасик пьёт...

Мама (в ужасе). Стасик пьёт?

Рита. Как конь!

Мама. Боже мой, Рита, что за выражение! Нет, это для меня ужасная новость – Стасик пьёт! Такой приличный, нежный молодой человек!

Рита. На месте Наты я никогда не вышла бы второй раз замуж. Лифшиц гораздо лучше Стасика!

Мама. Да, но Лифшиц почти еврей, Риточка, – караим!

Рита. Надо, мама, смотреть на вещи глубже. Караим – это почти турок, турок – почти перс, перс – почти грек, грек – почти одессит, а одессит – это москвич!

Мама. Я не против греков, но у Стасика большая комната!

Рита. Всё равно противно! Менять мужа из-за комнаты!

Мама. Но какая комната!

Ну, разумеется, всё здесь взывает к чеховской «Свадьбе». Правы те исследователи, которые на это указывают. И ничто не предвещает их прославленной дилогии об Остапе Бендере.

Но штука в том, что водевиль написан *после дилогии!*

Кризис? Наверное. Ведь ничего лучше «12 стульев» и «Золотого телёнка» они не написали.

Но, читая «Записные книжки» Ильфа, видишь, как он нащупывает новые для себя с соавтором пути.

Другое дело, что время, в которое они жили, не способствовало развитию сатирических жанров.

Мне, например, совсем не нравится их «Одноэтажная Америка». Понятно, что, создавая её, они, как это принято было, обрабатывали социальный заказ – подходили к незнакомой стране с уже готовыми шаблонами её опознавания.

Я знаю, что во время путешествия по Америке у Ильфа открылся туберкулёз, который и свёл его в могилу.

Но не потому ли открылась эта смертельная болезнь, что талантливый, остроумный, живой человек должен был проявлять невероятную осмотрительность, чтобы не выйти за отведённые ему рамки.

Помните, что писал Державин?

*Поймали птичку голосисту
И ну сжимать ее рукой.
Пищит бедняжка вместо свисту,
А ей твердят: Пой, птичка, пой!*

Да, это старая российская болезнь, которую ещё Блок диагностировал применительно к Пушкину: отсутствие воздуха. От неё и сам Блок задохнулся. Похоже, что Ильфу тоже стало нечем дышать.

Владимир Фёдорович Саводник в 1898 году издал первый свой стихотворный сборник, а в 1900-м – первую свою науч-

ную книгу «Е. А. Баратынский».

Его «Очерки по истории русской литературы XIX века» (1906), «Хрестоматия по древнерусской литературе» (1908), «Краткий курс истории русской словесности. С древнейших времён до конца XVIII века» (1913) были в статусе официальных учебников. По ним преподавали до конца 20-х годов XX века.

И немудрено. Сам Саводник обучал словесности в различных институтах. В том числе и в Московском университете.

После революции Саводник заведовал отделом русской литературы в Румянцевском музее. Позже – в Историческом. Принимал участие в создании 90-томного Толстого. Подготовил комментарий (при участии М. Н. Сперанского) к «Дневнику А. С. Пушкина. 1933—1935). Подготовил со своими обширными комментариями издание «Анны Карениной».

Стихи он писал не часто. Порой – неплохие:

*Какая тишина! Лениво и несмело
За валом вал идёт к уснувшим берегам,
И небо яркое над бездной онемело,
Как обезлюдевший, залитый светом храм.
Вокруг – немой простор: спокойно дышит море,
И эхо чуткое в скалах забылось сном;
Один лишь дальний чёлн маячит на просторе,
Сверкая парусом, как трепетным крылом.
И радость тихая мне душу наполняет,*

*Как светлый благовест, услышанный сквозь сон,
И, точно лёд весной, тоска бессильно тает, —
И с новой верою гляжу на небосклон
Но там, во мгле души, там, в тайниках сознания,
Она живёт ещё, печаль прошедших дней:
Так в глубине морской чуть видны очертанья
Разбитых бурей, погибших кораблей.*

Умер Владимир Фёдорович 13 апреля 1940 года. Родился
10 мая 1874-го.

14 апреля

Наум Яковлевич Берковский (родился 14 апреля 1901 года) выдающимся литературоведом стал не сразу. Начинал как заурядный пролетарский критик, рапповец, напостовец, повинный, кстати, в трагической судьбе Леонида Добычина.

Но после того как он издал сборник «Текущая литература» (1930), заниматься текущей литературой бросил. И только во время войны опубликовал несколько небольших работ.

В дальнейшем главные увлечения Берковского – это Шекспир, Сервантес и Чехов.

Неслучайно, что после смерти Берковского (19 июня 1972) вышла его книга «Романтизм в Германии»: цикл исследований о немецком романтизме он опубликовал ещё до войны.

Ещё одно увлечение Берковского – театр. «Таиров и Камерный театр» (1962), «Драматический театр и дух музыки» (1965), «Станиславский и эстетика театра» (1968), «Литература и театр» (1969).

Светлана Александровна Кузнецова (родилась 14 апреля 1934 года) выпустила первую книжку стихов «Проталины» в 1962 году в Москве с напутствием Александра Прокофьева.

ва. Дальше она выпускает небольшую книжечку с приветственным напутствием известного в то время критика Александра Макарова.

Поступает в Литературный институт. Оканчивает Высшие литературные курсы в 1965-м. По рекомендации А. Прокофьева её принимают в Союз писателей.

Вот – значительное достижение: стихи Кузнецовой замечает Твардовский и печатает в своём «Новом мире» стихотворение поэтессы «Мои родители».

Всё у Кузнецовой складывается благополучно. Книг выходит много. Её стихи, положенные на музыку, исполняет популярный дуэт Алла Иошпе – Стахан Рахимов.

Но, начиная с 1970 года – десятилетнее молчание. Что произошло?

Кузнецова вместе с писательской делегацией была в Ташкенте, где их принимал всесильный Шараф Рашидов. Все, кроме неё, встали, выпивая за хозяина республики. Она осталась сидеть, объясняя это неуважением к воровству, в котором подозревали Рашидова.

Только в 1982 году появился новый её сборник «Гадание Светланы». И – как прорвало. Опять печатается много стихов. Опять печатается много рецензий на её творчество.

Поэт Юрий Кузнецов, например, в статье «Под женским знаком?» проводит параллели между Габриеллой Мистраль, Мариной Цветаевой, Анной Ахматовой и Светланой Кузнецовой. А критик Вадим Кожинов называет лучшие стихотво-

рения Кузнецовой самым значительным, что создано в русской женской поэзии после Ахматовой.

Она скончалась 30 сентября 1988 года.

Правы ли те, кто так восторгался её стихами? Об этом судить читателю. Вот одно из последних её стихотворений:

*На окраине русского края
Ничего у судьбы не молю,
В сером сумраке лет вспоминая
Тех поэтов, которых люблю.
Уходили они в неизвестность,
Приминая зыбучие мхи.
...Бессловесная наша словесность
Не такие не помнит стихи.
Не такая случалась погода.
Не такие творились дела.
Бессловесная наша природа
Не такие потери несла
На окраине русской надежды,
На окраине русской беды
Я смыкаю усталые вежды,
И метель замечает следы.*

Кажется, Кузнецов хвалил однофамилицу не зря: стихи напоминают Кузнецова.

Владимир Нарбут – человек довольно сложной судьбы. В 1905—1906 году из-за болезни ему удалили пятку, он хромал до конца жизни.

Одно время сблизился с «Цехом поэтов».

В октябре 1912 года, чтобы избежать наказания за весьма скандальный сборник «Аллилуиа», воспользовался предложением Гумилёва и присоединился к его этнографической экспедиции в Сомали и Абиссинию. После амнистии по случаю 300 лет Дома Романовых вернулся на родину.

В Февральскую примкнул к левым эсерам. После Февральской стал склоняться к большевикам.

В 1918 семья Нарбута подверглась нападению банды. Рана, полученная Нарбутом была серьёзной: пришлось ампутировать кисть левой руки.

Весной в 1918-го отправлен в Воронеж для организации советской печати. В 1919 издавал в Киеве журналы «Зори», «Красный офицер», «Солнце труда». В октябре 1919 года был арестован контрразведкой белых как коммунистический редактор. Освобождённый при налёте красной конницы, вступил в РКП (б).

В 1920 возглавил одесское отделение РОСТА, редактировал журналы, подружился с Багрицким, Олешей, Катаевым. В 1921—1922 гг. – заведующий УкРОСТА в Харькове.

В 1922 году отошёл от поэзии, работал в Москве в Наркомпросе. Основал и возглавил издательство «Земля и фабрика» («ЗИФ»), основал ежемесячник «Тридцать дней».

В 1928 исключён из партии за сокрытие обстоятельств, связанных с его пребыванием на юге во время гражданской войны, одновременно уволен со всех постов.

Жил литературной подёнщиной. В 1933 году вернулся к поэзии.

26 октября 1936 арестован по обвинению в пропаганде буржуазного национализма. Осуждён на 5 лет. Этапирован в пересыльный лагерь под Владивостоком, потом – в Магадан.

2 апреля 1938 года проходит по новому делу. 7 апреля тройка оформляет обвинительное заключение. И в свой день рождения 14 апреля 1938 года (он родился в 1888) Владимир Иванович Нарбут был расстрелян.

Первое его посмертное издание стихов вышло в Париже в 1983 году.

Вот его стихотворение «Совесь»:

*Жизнь моя, как летопись, загублена,
киноварь не вьётся по письму.*

*Я и сам не знаю, почему
мне рука вторая не отрублена...*

*Разве мало мною крови пролито,
мало перетуплено ножей?*

А в яру, а за курганом, в поле,

до самой ночи поджидать гостей!
Эти шеи, узкие и толстые, —
как ужаки, потные, как вол,
непреклонные, — рукой апостола
Савла — за стволем ловил я ствол
Хватать — за горло, а другой — за ножничек
(лёгонький, да кривенький ты мой),
И бордовой застит очи тьмой,
И тошнит в грудях, томит немножечко.
А потом, трясясь от рясных судорог,
кожу колупать из-под ногтей,
И — опять в ярок, и ждать гостей
на дороге, в город из-за хутора.
Если всполошит что и запомнится, —
задыхающийся соловей:
от пронзительного белкой-скромницей
детство в гуцу юркнуло ветвей.
И пришла чернявая, безусая
(рукоять и губы набекрень)
Муза с совестью (иль совесть с музою?)
успокаивать мою мигрень.
Шевелит отрубленную кистью, —
червяками робкими пятью, —
тянется к горячему питью,
и, как Ева, прячется за листьями.

Николай Григорьевич Шкляр (родился 14 апреля 1878 года) окончил могилёвскую гимназию и юридический факультет Московского университета.

В Москве принимал участие в литературном обществе «Среда» (туда входили Вересаев, Куприн, Горький, Бунин и другие). Особенно подружился с Буниным.

Его первые детские сказки были хорошо приняты и читателями, и профессионалами.

В 1922 году в Харькове в русском драматическом театре была поставлена первая пьеса Шкляра «Мыльные пузыри». Музыка к ней написал И. О. Дунаевский.

В 1934 году Шкляр – делегат Первого съезда советских писателей. Причём в архиве НКВД среди кулуарных записей есть и реплика Шкляра, где он говорит о пролетарской литературе как о мертвящем шаблоне.

За два года до смерти Шкляра (23 января 1952 года) его повесть «Свет» внесена в список запрещённой в СССР литературы. Формально: потому что в повести встречаются контрреволюционные частушки.

Кажется, сейчас интерес к творчеству Шкляра возрождается. В 2006 году Самарский студенческий театр представил премьеру – пьесу Шкляра «Бум и Юла».

А в 2011 году издательство «Покидышев и сыновья» вы-

пустили аудиокнигу Шкляра «По дорогам сказок».

Владимир Иосифович Уфлянд в 1959 году провёл несколько месяцев в следственном изоляторе «Кресты» по обвинению в хулиганстве. Был рабочим сцены в Театральном институте, рабочим-оформителем в Эрмитаже. В 1964 году вместе с Михаилом Шемякиным, Владимиром Овчинниковым, Олегом Лягачёвым и Валерием Кравченко участвовал в запрещённой выставке художников-рабочих Эрмитажа.

Позже зарабатывал литературной подёнщиной: писал тексты детских телепередач, музыкальные куплеты. Работал в группе дубляжа на «Ленфильме»

В 1954—1956 посещал литобъединение филфака ЛГУ, участвовал в конференции молодых писателей Северо-Запада. И несколько его стихотворений вошло в её итоговый сборник «Первая встреча».

Но всё. Больше в официальной печати его не публиковали. Он ушёл в самиздат. Печатался в «Синтаксисе» (Гинзбурга), «Часах», «Обводном канале», «Митькином журнале». Вместе с одноклассниками Михаилом Ерёминым и Леонидом Виноградовым, а также с Сергеем Кулле образовал поэтическую филологическую школу. В 1977 году их стихи вышли в самиздатовском сборнике «УВЕК», названном

по первым буквам фамилий участников.

А настоящую первую книгу стихов «Тексты» издал в США в 1978 году. После перестройки издал в России ещё 3 книги стихов. И книгу прозы «Если Бог пошлёт мне читателей» (2000), за которую автор награждён премией Сергея Довлатова.

Но он не бедствовал. Постоянно писал стихи для детей и детских театров. Написал стихи к либретто «Волшебник страны Оз», к либретто по книге Корчака о короле Матиуше. Много переводил для дубляжа фильмов.

Умер Владимир Иосифович 14 апреля 2007 года. Родился 22 января 1937-го.

15 апреля

Пожалуй, первым поэтом Серебряного века, которого я прочитал в Ленинке (конец 50-х годов) много, много списал в тетрадку и многое выучил наизусть, был Николай Степанович Гумилёв (родился 15 апреля 1886 года).

Одно время это был мой любимый поэт.

Уже по стихам было видно, что он – большой любитель путешествий. Мне поначалу Гумилёв показался близким Киплингу с его воспеванием суровых боевых буден, с его оттопшением, так сказать, белого человека к миру.

*«Господин президент, ваш слуга!» —
Вы с поклоном промолвите быстро.
Но взгляните: черней сапога
Господин президент и министры.
«Вы сегодня бледней, чем всегда!» —
Позабывшись, вы скажете даме,
И что дама ответит тогда
Догадайтесь, пожалуйста, сами.*

Или о добродушном вожде племени – хорошо отнёсшемуся к поэту – «жирном негре»:

*Я бельгийский ему подарил пистолет
И портрет моего государя.*

Или – и вовсе. Из стихотворения «Либерия»:

*Европеец один уверял,
Президентом за что-то обижен,
Что большой шимпанзе потерял
Путь назад среди окраинных хижин.
Он не струсил и, пёстрым платком
Скрыв стыдливо живот волосатый,
В президентский отправился дом,
Президент отлучился куда-то.
Там размахивал палкой своей,
Бил посуду, шатался, как пьяный,
И, неузнана целых пять дней,
Управляла страной обезьяна*

Я с детства обожавший гитару, готов был предать и её,
читая чеканные строки Гумилёва:

*Да, я знаю, я вам не пара,
Я пришел из другой страны,
И мне нравится не гитара,
А дикарский напев зурны*

Хотя не «дикарский напев зурны» мне нравился, а то, как
величественно он подан в стихотворении Гумилёва.

Значительно позже я узнал его биографию. И зауважал
не за придуманную в стихах, а за самую что ни на есть на-

стоящую храбрость.

В Первую Мировую он был вольноопределяющимся в Лейб-гвардии Уланском полку. За ночную разведку перед первым же сражением в Польше он был награждён знаком отличия Георгиевского креста 4-й степени и повышен в звании до ефрейтора. А ещё через несколько дней он был произведён в унтер-офицеры.

В 1915-м он воевал в Западной Украине. Здесь получил новый знак отличия Георгиевского креста.

И в третий раз он получил знак отличия Георгиевского креста 3-й степени в том же 1915 году. Произведён в прапорщики.

В 1917-м он воюет в Европе: в Англии, во Франции, где проходил службу в качестве адъютанта при комиссаре Временного правительства.

10 апреля 1918 года Гумилёв уезжает в Советскую Россию. Отговаривающим его от этого шага друзьям он отвечает: *«Я думаю, что большевики не опаснее львов»*. А львов Гумилёв насмотрелся в двух своих обширных поездках по Африке. На львов он охотился. Знал их повадки.

Но он не знал повадок большевиков. И потому оказался не прав.

Он пытался быть абсолютно честным и в большевистской России. Был верен своему девизу: всегда говорить только правду. Поэтому на записку *«каковы ваши политические убеждения?»*, переданную ему из зала на одном из поэтиче-

ских вечеров, ответил: «Я – убеждённый монархист».

Его арестовали в 1921-м по подозрению в участии в заговоре «Петроградской военной организации В. Н. Таганцева». Друзья хлопотали за него. М. Лозинский и Н. Оцуп всё делали, чтобы выручить поэта. Говорили, что Горький попытается по этому поводу связаться с Лениным. Но всё было напрасно. 24 августа 1921 года он был расстрелян. Ему было 35 лет.

Есть у него стихотворение «Рабочий». Считается, что в нём он предсказал свою смерть. Хотя написано оно было ещё до большевистского переворота – в 1916 году:

*Он стоит пред раскалённым горном,
Невысокий старый человек.
Взгляд спокойный кажется покорным
От миганья красноватых век.
Все товарищи его заснули,
Только он один ещё не спит:
Всё он занят отливаньем пули,
Что меня с землёю разлучит.
Кончил, и глаза повеселели.
Возвращается. Блестит луна.
Дома ждёт его в большой постели
Сонная и тёплая жена.
Пуля, им отлитая, просвищет
Над седою, вспененной Двиной,
Пуля, им отлитая, отыщется
Грудь мою, она пришла за мной.*

*Упаду, смертельно затоскую,
Прошное увижу наяву,
Кровь ключом захлещет на сухую
Пыльную и мятую траву.
И Господь воздаст мне полной мерой
За недолгий мой и горький век.
Это сделал в блузе светло-серой
Невысокий старьй человек.*

«*Мой первый друг, мой друг бесценный!*» – пишет А. С. Пушкин своему другу-лицеисту в стихах, посланных в Читинский острог. Там отбывал каторгу (поначалу объявленную пожизненной, заменившую смертную казнь) Иван Иванович Пущин.

А ведь мог Пущин избежать наказания. Он вышел на площадь 14 декабря 1825 года. Но смог уйти домой, куда на следующий день пришёл к нему тоже друг-лицеист Александр Михайлович Горчаков, будущий великий государственный деятель, последний канцлер Российской империи (с 1867). А тогда молодой Горчаков привёз Пущину заполненный заграничный паспорт, уговаривая немедленно бежать из Петербурга на отходившем пироскафе (пароходе).

Пущин отказался. Он ответил другу, что не может не разделить участи своих товарищей по несчастью. И разделил их

участь. Уже 16 декабря его арестовали.

Тому, кто хочет добротной литературы о Пущине, советую прочесть книгу Натана Эйдельмана «Большой Жанно».

Ну, а вкратце его судьба сложилась так.

Смертный, как я уже сказал, приговор, заменённый императором пожизненной каторгой. Каторгу он отбывал в Читинском остроге и Петровском заводе.

По прошествии 20 лет был поселён сперва в Туринске, потом – в Ялуторовске, где отчасти пристрастился к сельскому хозяйству.

В 1856 году новый император возвращает его из ссылки.

Он откликается на просьбу Евгения Ивановича Якушкина, собиравшего воспоминания декабристов, и пишет, в частности, «Записки о дружеских связях с Пушкиным» (1859) и «Письма из Ялуторовска» (1845) к Энгельгардту, сообщающие сведения о своей жизни там и о его окружении (напечатаны в 1879).

22 мая 1857 года Пущин женился на Наталье Дмитриевне Апухтиной, вдове декабриста Михаила Александровича Фонвизина. И переезжает жить в имении жены Марьино в Бронницах. Увы, он очень болен. И врачи с этим ничего поделать не могут.

15 апреля 1859 года он скончался (родился 15 мая 1798-го).

16 апреля

В 1997 году режиссёр Эльдар Рязанов снял документальный фильм «Единица порядочности – один галлай». Все, знавшие Марка Лазаревича Галлая (родился 16 апреля 1914 года), подтвердят, что название полностью соответствует характеристике этого отважного лётчика и интеллигентного человека.

Он учился в Ленинградском институте инженеров Гражданского воздушного флота (преобразован в Военно-воздушную инженерную академию им. А. Ф. Можайского), окончил Ленинградский политехнический институт и Школу пилотов ленинградского аэроклуба. С 1935 летал на планёрах и прыгал с парашютом. С 1937 работал инженером в ЦАГИ, без отрыва от производства окончил лётную школу и в сентябре 1937 года стал лётчиком-испытателем ЦАГИ.

В июле 1941-го он – лётчик-испытатель 2 отдельной истребительной авиаэскадрилии ПВО Москвы. Во время первого ночного полёта сбил самолёт «Дорнье-215», за что награждён орденом Красного Знамени. В январе-марте 1942 он на Калининском фронте заместитель командира эскадрильи бомбардировочного авиаполка. В июне 1943 года был сбит над оккупированной территорией в районе Брянска и выпрыгнул с парашютом. Сумел пробраться к партизанам, которые вернули его в часть.

В 1950 году, когда государственный антисемитизм набрал колоссальный вес, Галлая уволили из ЛИИ имени Громова. 3 года он лётчик-испытатель НИИ-17, а затем с 1953 по 1958 – лётчик-испытатель ОКБ В. Мясищева. Здесь он освоил 125 типов самолётов, вертолётов и планёров. В 1957 году ему присвоено звание Героя Советского Союза.

В 1958 уволен в запас из Вооружённых сил СССР в звании полковника. Но в 1960—1961 годах он инженер-методист первого отряда космонавтов – «гагаринской шестёрки». Говорят что знаменитое гагаринское «*Поехали!*» перенято космонавтом у Галлая. «*Ну что, поехали*» – говорил тот перед началом упражнений. «*Поехали!*» – отвечали ему.

Я познакомился с Марком Лазаревичем в одной поездке. Мне импонировала его безукоризненная воспитанность.

Вернувшись, я взял почитать его книгу «Через невидимые барьеры» и обрадовался: Галлай оказывался очень хорошим писателем.

И последующие книги не разочаровывают: «Испытано в небе», «Авиаторы об авиации», «Первый бой мы выиграли», «С человеком на борту», «Огонь на себя» и уже посмертная «Я думал: это давно забыто» (2000).

Умер Марк Лазаревич 14 июля 1998 года.

Об Игоре Сунеровиче Меламеде многие литераторы вспоминают с удовольствием. Он писал стихи и критические статьи. И то и то делал прекрасно.

Меня, например, просто восхитило такое объяснение трагедии Пушкина:

Но позвольте, возразят мне, – у Пушкина всё же речь не о благодати, а о «бессмертном гении» Моцарта! Его-то и желал бы стяжать Сальери в своей безумной расправе с небесами! Ведь это как будто не совсем одно и то же?

Пушкин, чётко разграничивший «божественный глагол» и «чуткий слух», конечно же, знал, сколь соблазнительно отождествлять благодать даже со «священным даром» – «бессмертным гением». Всё прояснится, если мы спросим себя, кто отождествляет их у Пушкина в своём монологе? И окажется, что Сальери, осознавший неземное происхождение музыки Моцарта, так и не смог понять, что чудо не стяжается ни молениями, ни самоотверженьем, ни его собственным талантом, с помощью которого он в «искусстве безграничном достигнул степени высокой». И – ни «бессмертным гением» Моцарта – мог бы добавить Пушкин.

Ну, а что до его поэзии, то он оставил нам много прекрасных произведений. Увы, именно оставил. Потому что сам

недавно – 16 апреля 2014 года (родился 14 июля 1961) – скончался. Вот его стихотворение «В больнице»:

*Если б разбился этот сосуд скудельный,
трещину давший, – где бы, душа, была ты?
Как в скорлупе, здесь каждый живёт отдельной
болью своею в белом аду палаты.
Нет ничего на свете печальней тела.
Нет ничего божественней и блаженней
боли, дошедшей до своего предела
этих её снотворных изнеможений.
Чёрным деревьям в окнах тебя не жалко,
где отчуждённо, точно в иной отчизне,
падает снег. И глухо гремит каталка.
И коридор больничный длиннее жизни.*

Дмитрий Николаевич Блудов (родился 16 апреля 1785 года), организовав с несколькими карамзинистами литературную группу «Арзамас» и вступив в неё, взял себе кличку «Кассандра» по имени героя Жуковского (члены «Арзамаса» договорились, что каждый из собратьев должен выбрать себе имя какого-либо персонажа произведения Жуковского и называться этим именем). После смерти Карамзина Блудов готовил к печати неоконченный том «Истории государства

Российского».

Надо сказать, что перед смертью Карамзин указал императору Николаю на Блудова как на человека консервативного, но просвещённого, – соответствующего императорским представлениям о высшем чиновничестве.

Да, Блудов преклонялся перед просветительской философией XVIII века и в то же время с ненавистью относился к французской революции. Это ещё больше укрепилось в нём, когда он находился на дипломатической службе в конституционных монархиях Швеции и Англии.

Вступив на престол, Николай назначил Блудова делопроизводителем верховного суда над декабристами. Составление доклада по этому делу прибавило Блудову благосклонности со стороны монарха и было разгромлено заочно приговорённым Н. И. Тургеневым в книге «Россия и русские» (Париж, 1847).

По окончании суда Блудов становится статс-секретарём и почти тут же товарищем министра народного просвещения. Одновременно он получил должность главноуправляющего делами московских исповеданий. В 1828 году Николай объявил ему свою особую благосклонность по поводу устройства Греко-униатских церквей в России и пожаловал его в тайные советники.

В 1830 Блудов в отсутствие Дашкова несколько месяцев управлял министерством юстиции, с 1832-го – министерством внутренних дел, с 1837-го министерством юстиции

до декабря 1939-го. Пожалованный в действительные тайные советники, назначен главноуправляющим II отделением Собственной Его Императорского величества Канцелярии.

С 16 лет Блулов был влюблён в 24-летнюю фрейлину красавицу Анну Андреевну Щербатову. Через несколько лет достигнув высокого положения в свете, Блулов сделал предложение. Но мать Щербатовой, набожная, суровая и надменная, отказывала женихам. Отказала и Блулову. Однако мать главнокомандующего русской армии в войне с турками Николая Михайловича Каменского, заменившая Блулову покойную мать, сумела уговорить Антонину Войновну Щербатову отдать руку дочери Блулову. Не последним аргументом стало и быстрое продвижение Блулова по службе.

Под редакцией Блулова как главноуправляющего II отделением вышли два издания Свода Законов. Он был одним из составителей Уложения о наказаниях 1845 года, которое во многом упорядочило карательную систему.

А во время революционных выступлений 1848 года сумел отговорить Николая от закрытия университетов, подтверждая свою репутацию друга просвещения.

При Александре II он был назначен президентом Академии наук (1855), и, наконец, Председателем Государственного комитета и комитета министров (1862). Стал таким образом первым министром при дворе.

На этом посту 2 марта 1864 года он умер.

17 апреля

С юности я очень люблю, как разыгрывают Ольга Андровская и Михаил Жаров одноактную чеховскую пьесу «Медведь», которая благодаря режиссёру Исидору Анненскому стала короткометражным фильмом.

Сейчас прочитал, что Надежда Николаевна Бромлей (родилась 17 апреля 1884 года) поставила свою пьесу «Медведь» за четыре года до фильма Анненского в Ленинградском Академическом театре драмы имени Пушкина.

Успех эта драматическая шутка Чехова вызвала сразу, с первой постановки. И потом, где бы её ни ставили, она неизменно нравилась зрителям.

Но любопытно: оказала ли Бромлей влияние на Анненского? Ведь она поставила «Медведя» в собственной инсценировке.

Сама она с 1918 выступала на сцене 1-й студии МХАТа, а с 1924 – на сцене созданного на основе этой студии МХАТа-2.

В 1922 году её собственный трагифарс «Архангел Михаил» начали репетировать её муж Борис Михайлович Сушкевич и Е. Б. Вахтангов, который мечтал сыграть в нём главную роль художника. Но Вахтангов заболел, роль передали М. Чехову. Прошло пять генеральных репетиций, однако на сцену спектакль не выпустили. В 1925 году Сушкевич

на сцене МХАТа-2 поставил пьесу Бромлей «Король Квадратной республики» – о революции в некой фантастической стране. Однако спектакль продержался недолго: ни пресса, ни зрители его не поддержали.

После этого Бромлей уехала в Ленинград.

С 1934 по 1941 работала в ленинградском Академическом театре драмы им. Пушкина. Кроме чеховского «Медведя», поставила «Петра I» по А. Н. Толстому, где блистательно сыграла Екатерину, «Зыковы» по пьесе Горького (1940). В 1944—1956 Надежда Николаевна – режиссёр Ленинградского Нового театра. «Заговор Фиеско» (1939) и «Дон Карлоса» (1950) она поставила в собственном переводе.

Как видим, она была не только актрисой и режиссёром, она занималась литературой. И не только переводом. Главные книги, по которым она запомнилась читателям, – две фантастические повести: «Из записок последнего бога» (1927), «Потомок Гаргантюа» (1930).

Умерла Надежда Николаевна Бромлей 25 мая 1966 года. Увы, до сих пор не напечатаны произведения, оставшиеся в рукописи. Например, «Автобиография (1889—1920)». Удивительно, что на эту книгу не находится издатель.

С Мишей Таничем меня познакомил писатель Лев Кривенко. Они дружили со времени женитьбы Миши на Лиде

Козловой, с которой была знакома жена Лёвы Кривенко Лёля.

А до Лиды Танич прожил весьма напряжённую жизнь. Его отец был расстрелян в 1938 году, мать арестована, и Танич поселился у деда – отца матери. Кончил школу и аттестат получил 22 июня 1941 года.

С июня 1944 Михаил Исаевич Танич, окончив Тбилисское артиллерийское училище, находится в действующей армии. Прошёл дорогами войны от Белоруссии до Эльбы. Был ранен.

После войны учился в Ростовском инженерно-строительном институте, который окончить не смог, – арестовали. В дружеской компании он сказал, что немецкие радиоприёмники лучше наших. Кто-то донёс.

6 лет провёл в тюрьме, потом в Соликамском лагере на лесоповале.

После освобождения жил на Сахалине. Развёлся с первой женой, которая, как он пишет, не ждала его, женился на Лиде. С ней, получив в 1956 году реабилитацию, уехал в Москву.

В начале 1960-х в коридоре «Московского комсомольца» он встретил композитора Яна Френкеля, и тот написал песню «Текстильный городок» на стихи Танича. Песню исполнила Майя Кристалинская, и она (песня) быстро стала популярной. На стихи Танича обратили внимание другие известные композиторы Н. Богословский, А. Островский, О.

Фельцман, Э. Колмановский, В. Шаинский. Вместе с Левом Мерабовым Танич написал песню «Робот», с которой дебютировала на радио юная Алла Пугачёва.

В середине 1980-х Танич сочинял для самых знаменитых тогда композиторов Р. Паулса и Д. Тухманова.

В дальнейшем Танич организовал группу «Лесоповал», лидером которой был композитор и певец Сергей Коржуков, трагически погибший в 1994 году.

Танич выпустил почти 20 стихотворных сборников. Написал мемуарную книгу «Играла музыка в саду» (2000). Даже не написал, а надиктовал, потому что был тяжело болен.

Мне он запомнился тем, что никогда у Лёвы Кривенко не пел своих песен, а всегда – песни Александра Галича, которого безумно любил. Собственно, почти весь репертуар Галича я знаю от Танича. Хотя был знаком и с Галичем. Но столько песен, сколько знал Танич, возможно, Галич не помнил и сам.

Умер Миша Танич 17 апреля 2008 года. Родился 15 сентября 1923.

Ну, не забавно ли? С детства мне нравилась книга «Трое в серых шинелях», которую я воспринимал как фольклор: начисто забыл фамилию автора. К тому же в детстве мы любили петь: *«А навстречу им из проулочка / Трое в серых ши-*

нелях идут: / «Дай-ка, друг, ты нам папиросочку, / Не сочти-ка ты это за труд!». Так что эти «трое в серых шинелях» оказывались персонажами блатной песенки.

И что же я узнаю?

Никакого фольклора. Роман «Трое в серых шинелях» имеет автора – Владимира Анатольевича Добровольского (родился 17 апреля 1918). Причём это не просто роман, а роман-ответ на роман Дж. Б. Пристли «Трое в серых костюмах», переведённый у нас в 1946 году и показывающий глубокое разочарование фронтовиков, пришедших домой. Роман Добровольского тоже касается вранья студентов, пришедших с фронта в мирную жизнь.

Оказывается, Добровольский написал ещё с десятков произведений.

Но прославил его роман «Трое в одном городе». Он получил за него сталинскую премию 3 степени. А в соавторстве с Я. Смоляком переработал его в пьесу «Яблоневая ветка», поставленную в 1951 году.

Умер Добровольский в 2003 году.

18 апреля

В одну из дискуссий о поэзии, которую вела «Литературная газета» и за которую отвечал я, захотела вмешаться поэтесса Татьяна Глушкова.

Она недавно выпустила свою первую книгу, где подражала одновременно своей землячке Юнне Мориц и Белле Ахмадулиной, но особых успехов не добилась. Книжечка вышла довольно поздно и прошла почти незамеченной.

Возможно, это её и озлобило. Она бросилась в литературоведение. Начитанная и самоуверенная, она, так сказать, к штыку приравняла перо, разящее и колющее.

Поначалу её статьи заметили. Но Глушкова, со своей неразборчивой беспощадностью, повторялась, и постепенно интерес к её статьям стал падать. А интереса к Глушковой-поэту никогда и не было. Это повысило градус и без того горячей глушковской злобы.

Короче, когда она принесла статью в газету, зам главного редактора Кривицкий сперва печатать её отказывался. *«Пусть смягчит как-нибудь тон»*, – говорил он.

Угрожая, Глушкова умела быть убедительной, а Кривицкий был пуглив. После разговора с ней он свои возражения снял: *«Пусть печатает!»*

В статье она набросилась среди прочих на двух моих приятелей – критика Станислава Рассадина и поэта Владимира

Соколова.

Рассадин уже напечатал статью в этой дискуссии, ответить ей не мог, а Соколов сказал мне, что комедию ломать он Глушковой не даст.

И не дал. Он, живший в соседнем подъезде, разбудил меня в два часа ночи и прочитал свою статью по телефону. Я сказал, что завтра утром перед работой я у него её заберу.

– *А если сейчас?* – спросил он.

– *Сейчас два часа ночи,* – сказал я.

– *Давай по-гусарски,* – предложил Володя. – *Иди ко мне.*

Почитаем вместе и отметим это дело.

Может, в другой ситуации я бы и отказался. Но, услышав, как прочитал он по телефону весьма убедительную филиппику в адрес «*Кожина, Куняева и примкнувшей к ним Глушковой*», я понял, что он не просто публично рвёт со всеми бывшими друзьями, но ощущает это как поворотный момент в своей биографии.

Дверь в соколовскую квартиру запиралась только, когда в доме находилась жена Володи Марьянна. В другое время можно было, позвонив, толкать дверь и входить. Хозяин тебя не встречал. Он сидел или лежал на любимом своём диване перед никогда не выключавшимся телевизором. Когда приходили гости, Володя его приглушал.

Сначала он снова прочитал мне статью. Потом заставил прочитать её меня, чтобы уловить ухом фальшь. Наконец, работу над статьёй мы закончили.

– *Сходи на кухню, – попросил меня Соколов. – Возьми там хлеба, огурцов и чего хочешь в холодильнике и тащи сюда.*

Пока не приходила Марьянна, посуду никто не мыл. Её скапливалось довольно много.

– *Захвати минералки, – прокричал Володя. – И стаканы.* Стаканы пришлось отмывать.

– *По-гусарски, – сказал Соколов, когда еда была нарезана и разложена по отмытым мной тарелкам, а бокалы извлечены из горки. – Влезь на лестницу и достань с верхней полки за двенадцатым томом Толстого.*

Сам Володя ходил, опираясь на палку. Ноги у него болели. Болезнь была опасная. Из костей уходила жидкость. Врачи просили его бросить курить. Но Соколов этого сделать так и не смог.

Я влез по приставленной к книжным полкам лестнице. Том Толстого прикрывал большую бутылку «Посольской».

Сразу скажу, что ею мы не ограничились. Ночь была длинная, и мне пришлось ещё пару раз передвигать лестницу и шарить за названными Соколовым книгами. Память у него оказалась отменной.

Сумбурный поначалу разговор постепенно выстроился.

– *А ты заметил, – спросил Володя, – что Евтушенко и Куняев похожи друг на друга, как разнояйцовые близнецы?*

– *В каком смысле?* – удивился я.

– *В смысле их стихов, – пояснил Соколов. – У обоих нет*

того, что Толстой назвал лирической дерзостью, когда говорил о Фете.

– Ну, – сказал я, – она мало у кого есть. Толстой ведь определил, что лирическая дерзость – это свойство великих поэтов.

– Великих-невеликих, но у больших она есть! – не согласился с Толстым Володя. – А у Жени и Стаса пороку не хватает, чтобы стать большими. Они похоже начинают стихи и похоже заканчивают.

– Начинает Евтушенко обычно броско, – задумался я.

– И Куняев броско, – Соколов взял книгу и прочёл несколько начальных кунявских строф из разных стихотворений. – Чувствуешь, как мощно?

Звучало действительно обещающе.

– И что потом? – спросил Володя. – Кисель, размазня! Многословие, суесловие, какая-нибудь простенькая мораль, как в басне.

– Потому что оба публицисты в стихах, – сказал я. – Таких сейчас много.

– Рифмованной публицистики пруд пруди, – согласился Соколов. – Но таких, как Евтушенко и Куняев – только они. Причём очень похожи друг на друга. Оба были наделены даром и оба его профукали. Так и не научились удерживать в себе лирическое напряжение.

– «Учусь удерживать вниманье долгих дум», – процитировал я.

– Кто это? – спросил Соколов.

– Пушкин, – отвечаю. – Стихотворение «Чаадаеву». 1821 год. А после – в 1833-м, в «Осени»: «И думы долгие в душе своей питаю».

– Вот-вот, – обрадовано сказал Володя. – А эти оба расслабляются, и музыка уходит! Сколько раз – начинаешь читать, – в руках у Соколова всё ещё книга Куняева, он её листает, – смотришь, вдумываешься, а потом, – он бросает книгу на кровать, – чувствуешь, что тебя манили на голую блесну. А знаешь, почему они сломались?

– Почему?

– Потому что Женька вошёл в моду и стал зависеть от публики, – определил Соколов. – Гнал стих ей на потребу. А Стас ему безотчётно подражал. Оба погибли для поэзии. Оба стали, как тот пушкинский поэт, – и Володя со вкусом процитировал: – «В заботы суетного света / Он малодушно погружён». «Малодушно»! – Соколов даже зажмурился от удовольствия. – Волишебник Пушкин! Мало души! А кто, сталкиваясь с суетой, проявляет малодушие?

– Кто? – спросил я.

– Обыватель, – радостно ответил Володя. – Потому и банальны их концовки. Ради готовых ответов напрягаться не надо. Такие стихи, как выдохшееся пиво: пивом пахнет, а пьёшь – вода! Вот чего не понимают ни они, ни Кожин, ни Глушкова.

В первой своей статье в «Вопросах литературы», кото-

рая понравилась многим, Глушкова, раздавая тычки и зуботычины критикам и литературоведам, поучала их, так сказать, собственным примером – анализом стихотворения Фета. Анализ очень понравился Кожинovu:

– Он мне давал его читать, – сказал Соколов. – Я ему тогда же сказал, что Глушкова ничего не поняла в Фете, сделала его бесчеловечным эгоцентристом. Достань вон с той полки Фета.

Я достал. Соколов нашёл нужное стихотворение. Прочёл:

*За гробом шла, шатаясь, мать.
Надгробное рыданье! —
Но мне казалось, что легко
И самое страданье!*

– «Казалось», понимаешь? У него и перед этим, там, где разговор о «гробике розовом»: «И мне казалось, что душа / Парила молодая». Это зачарованность неземной высшей жизнью. Смотри:

*Вдруг звуки стройно, как орган,
Запели в отдалены;
Невольню дрогнула душа
При этом стройном пеньи.
И шёл и рос поющий хор, —
И непонятной силой
В душе сливался лик небес
С безмолвною могилой. —*

Понимаешь? Он сейчас парит над землёй. Он в других сферах. Причём не утверждает, что страдание легко, но предупреждает, что ему это кажется: «Мне казалось». А что пишет эта (он употребил непечатное слово)? Что Фет здесь эстетически наслаждается жизнью. Ах, (ещё одно непечатное слово)! Хоронила ли она кого-нибудь? Я так и сказал Диме: это не человеком написано, а нелюдью!

– Да, Дима и сам восхитился строчками Юрия Кузнецова: «Я пил из черепа отца / За правду на земле», – сказал я. – Кожинов объясняет это воскрешением древних символов, следованием обычаям предков.

– Предки, – усмехнулся Соколов, — когда-то человечину ели. Съедали самого храброго, убеждённые, что его храбрость перейдёт в них. Господи! – он обхватил голову руками, – до чего дошли? До воспевания людоедства!

Владимир Николаевич Соколов (родился 18 апреля 1928 года) так же, как я, дружил одно время с Кожиновым, который написал неплохую музыку на некоторые его стихи, и так же, как и я, с Кожиновым раздружился. Кожинов прощал своим друзьям антисемитизм, а Соколов – нет. С другим нашим общим другом Юзом Алешковским Соколов был дружен до самого отъезда Юза. Они любили друг друга, и Юз нередко звонил ему из Америки. «За данью», – говорил он ему. И Соколов читал другу только что написанные стихи, которыми Юз неизменно восторгался.

Сейчас, оглядываясь назад, когда Володи давно уже нет на свете (он умер 24 января 1997 года), я думаю, что стихи Соколова, безусловно отмеченные традицией Фета, были лирическими акварельными рисунками, тонко нарисованные пером. Содержание этих поэтических акварелей было бездонным:

Вот мы с тобой и развенчаны.

Время писать о любви...

Русая девочка, женщина,

Плакали те соловьи.

Пахнет водою на острове

Возле одной из церквей.

Там не признал этой росстани

Юный один соловей.

Слушаю в зарослях, зарослях,

Не позабыв ничего,

Как удивительно в паузах

Воздух поёт за него.

Как он ликует божественно

Там, где у розовых верб

Тень твоя, милая женщина,

Нежно идёт на уцерб.

Истина не наказуема.

Ты указала между.

Я ни о чем не скажу ему

Я ни о чем не скажу.

Видишь, за облак барашковый,

*Тая, заплыл наконец
Твой васильковый, ромашковый
Неповторимый венец.*

Натан Яковлевич Эйдельман (родился 18 апреля 1930 года) в молодости чуть было не угодил в чекистскую мясорубку. После окончания университета, преподавал в школе, но ходил в кружок Льва Николаевича Краснопевцева, осуждавшего сталинизм с марксистской точки зрения. 9 человек было арестовано в 1957-м. Эйдельман отделался исключением из комсомола и увольнением из школы. Как рассказывали его друзья, слава о школьных уроках Эйдельмана облетела Москву. Возможно, поэтому ему преподавать больше не разрешили.

Он стал музейным работником. Защитил кандидатскую диссертацию. Начал печататься.

Впрочем, на этом начале стоит остановиться подробней. Приведу свидетельство одного из самых близких друзей Эйдельмана юриста Александра Борина:

В нашей компании лучшего рассказчика, чем Натан, не было. Ему говорили: «Хватит болтать, бери перо и пиши». Но до пера и бумаги руки всё не доходили. Не знаю, сколько бы это ещё продолжалось, но однажды

Натан зашёл в редакцию «Литературной газеты» к своему товарищу Юре Ханютину. В кабинете, кроме Ханютина, за маленьким столиком сидела незнакомая пожилая дама. Ханютин неожиданно спросил: «Тоник, а сейчас, в наше время, можно найти клад?» Натан возмутился: «Какой клад? Если ты имеешь в виду археологию...» И стал рассказывать. Ханютин слушал, кивал головой, а минут через пять неожиданно встал и вышел из комнаты. Натан растерянно замолчал. «Продолжайте», – строго сказала пожилая дама; это была стенографистка. И Тоник прочел ей великолепную лекцию про археологию. Через несколько дней Ханютин изучил стенограмму, нашёл, что всё годится, надо только начало поставить в конец, а конец – в начало, и статья Натана о проблемах археологии была напечатана в «Литературной газете». Так появилась первая, насколько я помню, публикация Натана Яковлевича Эйдельмана. Было это уже во времена хрущёвской оттепели.

Можно сказать, что друзья разогрели Натана. Потому что после этого его статьи и исследования стали появляться с огромной скоростью. Где он их только ни печатал! В «Знании-силе», «Науке и религии», «Науке и жизни», в «Неделе», альманахе «Прометей». Это, разумеется, кроме толстых литературных журналах, таких, как «Новый мир», «Звезда», «Вопросы литературы». Разумеется, и кроме нашей «Литературной газеты».

Не говорю уже о книгах. Их Эйдельман написал и соста-

вил 28.

Читать его всегда было безумно интересно. В том числе и по моей отрасли – пушкинистике. Хотя занимались мы с Эйдельманом разными вещами: его интересовала жизнь поэта и его друзей, интересовали их политические взгляды. Я же занимался разбором пушкинских произведений.

А кроме того, Тонику особенно близка была тема декабризма, которая меня не очень интересовала.

И при всём при том, повторяю: читать Натана Яковлевича Эйдельмана, скончавшегося 29 ноября 1989 года, было очень интересно. Он вкусно писал.

19 апреля

Первый рассказ Георгия Викторовича Адамовича (родился 19 апреля 1892 года) опубликован в 1915 году. А первая книга его стихов в 1916-м. Был близок Гумилёву, входил в «Цех поэтов».

После Октябрьской революции занимался переводами: Бодлер, Вольтер, Эридия, поэмы Томаса Мура и Д. Байрона.

В 1923 году эмигрировал в Берлин, а оттуда – в Париж. С 1928 года в газете «Последние новости» вёл еженедельное книжное обозрение. Был одним из ведущих авторов журнала «Числа», редактировал журнал «Встречи» (1934).

В эмиграции он пишет мало стихов, но считается основателем группы, известной как «парижская нота». Г. П. Федотов назвал позицию Адамовича, поставившего «поиск правды во главу угла», «аскетическим странничеством».

В сентябре 1939 записался добровольцем на фронт, но после падения Франции был интернирован.

Считается, что Адамович прошёл краткий период увлечением СССР и Сталиным. Основываются на некоторых его статьях в западных просоветских изданиях и книге «Другая родина» (1947), написанной по-французски.

Главное в его литературном наследии – это критика. Адамович считал, что основным в искусстве является не вопрос: «как сделано», а вопрос: «зачем». Он мало кого оценивал

до конца положительно. Пожалуй, безоговорочно – одного только Бунина. Молодого Набокова, например, он обвинял в подражании французским авторам. Набоков ему этого не простил: иронически изобразил Адамовича в романе «Дар» под именем Христофор Мортус.

37 лет Адамович сохранял интерес к масонству.

Стихи Адамовича, скончавшегося 21 февраля 1972 года, нерадостны:

*Ни с кем не говори. Не пей вина.
Оставь свой дом. Оставь жену и брата.
Оставь людей. Твоя душа должна
Почувствовать – к былому нет возврата.
Былое надо разлюбить. Потом
Настанет время разлюбить природу,
И быть всё безразличней – день за днём
Неделю за неделей, год от году.
И медленно умрут твои мечты.
И будет тьма кругом. И в жизни новой
Отчётливо тогда увидишь ты
Крест деревянный и венец терновый.*

«Это мы с Фадеевым его из Иркутска выдернули, в большой секретариат перевели, – говорил нам с Игорем Тарха-

новым, работавшим со мной в „Литературной газете“, о Георгии Маркове поэт Алексей Сурков. – *Тихий, аккуратный, исполнительный. Мы и взяли его с бумажками возиться. Думали ли мы, что он на самый верх вылезет?* – здесь Сурков задумался и начал похохатывать: – *А главное, думали ли мы, что он таким доверчивым ослом окажется: ему говорят, что он великий, и он верит в это! Понимаете? Ничтожный, никакой писатель верит, что он большой, крупный, что он – классик, ха-ха-ха!*»

Смеялся Сурков напрасно. Подобные Маркову фигуры в российской действительности оказывались наверху довольно часто. Кем был Сталин поначалу? С точки зрения Ленина и его соратников, малозаметной скромной личностью. Потому они преспокойно пропустили его наверх: будет, дескать, опираться на более знаменитых, более известных партии и народу. А Брежнев? Та же история: звёзд с неба не хватает, выберем его, куда он без нас денется, что сможет?

Однажды в начале нулевых в газету «Литература», где я был редактором, прислали из какого-то сибирского городка урок по повести Маркова «Тростинка на ветру». Я удивился: неужели этого литератора до сих пор изучают в школе? Мне ответили, что в обязательном перечне его книг нет. Но учитель волен давать уроки по любому полюбившемуся ему произведению советского периода, начиная с 60-х годов XX века. То, что прислали урок по марковскому произведению, говорит, разумеется, о дурновкусии учителя, но куда

больше о том, что прежде объявленного классиком Георгия Маркова в школе изучали, и учитель, не мудрствуя лукаво, обращается к старым наработкам.

Многих, конечно, покорило, когда Черненко дал Маркову вторую звезду героя соцтруда. Всё-таки до этого дважды героями в искусстве были только Уланова и Шолохов. Уланова для всех была явлением бесспорным. «Тихий Дон» – роман выдающийся. Но Черненко обожал Брежнева и подражал ему. Успел в отмеренные ему год и двадцать пять дней правления создать легенду о себе, вообще не нюхавшем фронтового пороха, как о храбрейшем пограничнике (он в начале тридцатых отслужил год в армии). Наградил себя в свой день рождения третьей звездой героя (две других он получил из рук хозяина – Леонида Ильича). И осыпал звёздами земляков-сибиряков. В точности, как Брежнев днепропетровцев. Бюст дважды герою Маркову (родился 19 апреля 1911 года), по его просьбе, устанавливать на его родине не стали. Кажется, умилились его скромности. И, умиляясь, решили сделать Главному Писателю Советского Союза такой подарок, чтобы он никогда не пожалел о бюсте.

Но вот беда – в его биографии ничего героического не нашли: до войны – комсомольский функционер в Новосибирске, редактор сибирских комсомольских органов печати, во время войны – корреспондент газеты Забайкальского фронта, после войны – глава иркутской писательской организации, редактор альманаха. А потом, как и говорил нам

с Тархановым Сурков, переведён в Москву, в секретариат Союза писателей.

Ничего героического! Но, как пародийно шутили в Одессе: «*Вы хотите песен? Их есть у меня!*» На родине Маркова открыли музей охотника-промысловика, где выставили соответствующие экспонаты: вот оружие, с которым промышлял охотник, вот – чучела зверей, которых он промышлял. Штука, однако, состояла в том, что охотник этот не был безымянным. Звали его Мокеем Марковым. Так что пригодились музею его дагерротипы, портреты и фотографии его семьи. Фотографий сына охотника Мокея, Георгия Мокеевича Маркова, разместили особенно много. Вот он на трибуне (сзади вожди ему аплодируют), вот в президиуме какого-то важного съезда (сам вместе с вождями аплодирует кому-то), вот – книги сына, вот – читатели сына, которым он надписывает свои книги. С одной, стало быть, стороны, музей вышел краеведческим. А с другой, он стал прижизненным мемориальным музеем славы дважды героя. Как говорил весёлый карманник Мустафа, чью роль в первом звуковом советском фильме «Путёвка в жизнь» великолепно сыграл мариец Йыван Кырля, погибший позже в сталинском лагере, «*ловкость рук и никакого мошенства!*»

А сколько книг о себе Марков наполучал при своей жизни! Не говорю уже о том, как часто звучали по радио инсценировки его романов! Или сколько было отснято кинофильмов и телефильмов по мотивам его произведений!

Так совпало, что однажды мы привычной нашей компанией приехали в дом творчества писателей в Дубулты и встретили там сына директора этого дома Вадика Крохина, который работал в «Литературной газете» фотокорреспондентом.

Вадик Крохин показал нам, что про свой дом творчества мы знаем далеко не всё.

Он пригласил нас поужинать на отделанной дорогими породами дерева мансарде. Так мы узнали, что над девятым этажом существует зал для приёмов. Говорили, что Георгий Мокеевич Марков приказывал отцу Вадика Крохина директору дома творчества Михаилу Львовичу Бауману накрывать для себя в этом зале, чтобы не спускаться со всеми в столовую. Во всяком случае, свидетельствую, что оказался однажды в Дубултах, когда туда приехали Марков с женой Агнией Александровной Кузнецовой, тоже писательницей и тоже лауреатом многочисленных премий, и никогда эту супружескую пару в столовой не видел. Хотя прогуливающейся вдоль моря встречал постоянно.

Ну, а уж о таком пустяке, что в Союз писателей приняли обеих его дочек, и говорить не приходится. Другое дело, что каждый член Союза писателей имеет право получить в Переделкине дачу от Литфонда. Ну, целиком дачу давали избранным, но иметь полдома тоже считалось большим везением: вход отдельный, удобства отдельно, мечта!

Но и полдачи дают, разумеется, далеко не всем. Очередь

в Литфонде большая, многие стоят в ней всю жизнь, да так и не дожидаются дачного рая.

Но сами понимаете, что, имея такого мощного отца, даже подумать о том, чтобы встать в очередь, смешно. У супругов Марковых – секретарей и лауреатов – две дачи рядом. Изловчились. Недалеко от родителей поселили и дочек. Имеют право: члены Союза писателей!

Умер Марков 26 сентября 1991 года. И это оказалось единственным его невезением. По его номенклатурному положению (уровень зампреда Совмина) ему полагалось Новодевичье. Но прошёл всего только один месяц с поражения путчистов. Позже номенклатура оправится, вернёт себе свои права. А в тот момент приходилось ужиматься. Вот почему лежит Марков на Троекуровском. Будем надеяться, что большие любители возвращать снятые было почётные доски на старые места, не потревожат прах крупного литературного номенклатурщика. Хотя, кто его знает: погоня за былыми привилегиями сейчас нешуточная!

Саша Ткаченко (родился 19 апреля 1945 года) – все, кто его знали, подтвердят: добрый и твёрдый человек.

Я с ним был знаком давно. Он ко мне приходил в ялтинский дом творчества, когда я туда приезжал, и мы бродили с ним по побережью.

В перестройку он оказался настоящим молодцом. А в ПЕ-Не, по-моему, настолько мужественного человека уже и нет.

Вот только стихи его мне нравились далеко не всегда. Одни явно были написаны под влиянием Вознесенского, другие в нынешнем модерновом стиле.

Но настроение он, скончавшийся 6 декабря 2007 года, удерживать в строке умеет:

*Одиночество бродит по улицам
словно бык прощённый в корриде
опустивший рога
волоча за собой равнодушные взгляды
в зеркалах отражаясь
то гигантом то карликом
набиваясь в любовники
или с надписью «Sale»
восставая в кварталах
дешёвых...*

*Одиночество
среди всех одиночеств
одиночество проходящих деревьев
и прохожих с пустыми глазницами
Я бы взял мастихин или кисточку
Беличью
и подправил бы грусть
или грубую радость на лицах
ушедших в себя
и не знающих как одиноки*

*однорукая Сена
сахарная головка Нотр-Дам
облепленная муравьями туристов
Я бы мог разделённых
размытых, тень и солнце
собрать, уходящих вернуть
старикам всем печальным
проституткам простаивающим
птицам в клетках как смерти
ждущих продаже
сказал бы – я с вами
если это бродило по улицам
одиночество не моё
и не нужное
никому...*

Василию Дмитриевичу Фёдорову удалось поступить в Новосибирский техникум, где на литературном конкурсе этого заведения он получил первую премию за стихи. Друзья посоветовали отправить их в газету «Большевицкая смена».

Но там ему рекомендовали учиться слову и на время бросить писать стихи.

С 1938 Федоров работает в Иркутском авиационном заводе. И печатает в его многотиражке стихи.

С 1941 работает на Новосибирском авиационном заводе. Стихи Фёдорова начинает печатать журнал «Сибирские огни». 9 стихотворений вошли в коллективный сборник молодых «Родина».

В 1944 поступает на заочное отделение Литературного института. На следующий год переводится на второй курс очного.

В 1947 выходит первая книга стихов «Лирическая трилогия».

В дальнейшем Фёдоров прочно дружит с Кочетовым, С. В. Смирновым, И. Шевцовым и другими подобными литераторами. К его услугам журналы «Октябрь», «Молодая гвардия», «Огонёк».

Начиная с середины шестидесятых годов у Фёдорова почти ежегодно выходит по новой книге. Среди них и поэмы: «Проданная Венера», «Третьи петухи», «Седьмое небо», «Женитьба Дон-Жуана», «Золотая жила».

Он пишет и прозу: повести «Зрелость», «Добровольцы», «Светлый залив».

Но язык поэзии и прозы Фёдорова беден. Автор склонен к назидательности и ригоричности.

Вот – типичное для него стихотворение:

*Не бойтесь гневных,
Бойтесь добреньких;
Не бойтесь скорбных,
Бойтесь скорбненьких.*

*Несчастненькие
Им под стать.
Всегда с глазами смутно-красными,
Чтоб никому не помогать,
Они прикинутся несчастными.
Заметив
Слёзный блеск в зрачках,
Не доверяйте им
Ни чуточку...
Я, попадавший к ним на удочку,
Порвал все губы
На крючках*

Поэтому и невозможно поверить Википедии, называющей Василия Дмитриевича Фёдорова великим поэтом и сравнивающей его с Маяковским, Есениным, Твардовским. Это всё равно, что сравнить Кукольника с Пушкиным. Василий Дмитриевич, скончавшийся 19 апреля 1984 года (родился 23 февраля 1918-го), не был не то что великим, но даже средним поэтом.

Да, он получил Госпремию СССР в 1979 и Госпремию им. Горького РСФСР в 1968-м. Но получил не как поэт, а как поэт-номенклатурщик: член всех правлений Союзов писателей, секретарь республиканского Союза.

Некогда в 1955 году он написал самое известное своё стихотворение:

Всё испытав,

*Мы знаем сами,
Что в дни психических атак
Сердца, не занятые нами,
Не мешкая займёт их враг,
Займёт, сводя всё те же счёты,
Займёт, засядет
Нас разя...
Сердца!
Да это же высоты,
Которых отдавать нельзя.*

Стихотворение настолько понравилось иным критикам, что не так уж редко появлялись на моей памяти статьи примерно с таким названием: «Высоты отдавать нельзя». Но ведь ничего особенного в этих стихах нет. Опять – название, опять – наставление и никакого подлинного эмоционального чувства.

20 апреля

Алексей Николаевич Арбузов, с моей точки зрения, был невоспитанным человеком.

Вот представьте: дом творчества писателей в Дубултах. 9-й этаж. Полный холл народу: все смотрят какую-нибудь телевизионную передачу. Арбузов подходит к телевизору и невозмутимо начинает щёлкать кнопками, устанавливая ту программу, которая нужна ему. Ничего не объясняя, не спрашивая разрешения, не извиняясь.

Установил. Сел перед экраном. И плевать ему, что большинство встаёт и уходит.

Или постепенно привыкаешь, встречая на лестнице или в столовой одни и те же лица. Обычно, встречая, здороваешься, киваешь, улыбаешься.

Арбузов вовсе не смотрит по сторонам. Он идёт, разглядывая людей. Не здоровается. Смотрит на тебя как на пустое место.

Нет, я этому не удивлялся. Мне уже рассказали историю пьесы «Город на заре», которую писал до войны коллектив, назвавший себя Государственной театральной московской студией. «Город на заре» писали Плучек, Арбузов, Галич, Шток и Гладков. Какие-то реплики вписывали Слуцкий, Самойлов, Коган, Майоров, В. Багрицкий.

Но – война. Авторы разъезжаются, уходят на фронт. Кое-

кто с него не возвращается. Про пьесу забыли. Оказалось, не все. И «Город на заре» снова появляется на театральных афишах. Автор один – А. Арбузов. (Справедливости ради, отмечу, что встречал в печати утверждение об Арбузове, чуть ли не целиком переписавшем пьесу. Но лично мне этого не подтверждали бывшие арбузовские соавторы.)

В будущем Арбузов примет активное участие в травле одного из своих друзей-соавторов Александра Галича. Хотя, с другой стороны, возьмёт под защиту А. Володина от критики Софронова и его соратников.

Да, я знаю, какой огромный успех выпал на долю арбузовской «Тани». А его «Иркутская история» сопровождала меня полжизни. «Мой бедный Марат». «Сказки старого Арбата». Всё это долго держалось на сцене.

Знаю я, что он вёл студию молодых. Что оттуда вышли талантливые драматурги, благодарные своему учителю.

Сложный он был человек!

Умер Арбузов 20 апреля 1986 года (родился 26 мая 1908-го).

Бенедикт Михайлович Сарнов был моим добрым старшим товарищем, с которым мы особенно сблизились в последние два десятилетия, хотя знали друг друга полвека.

Я работал главным редактором газеты «Литература» Из-

дательского Дома «Первое сентября» и не жалел для статей Сарнова газетной площади, знал, что увлекательные его литературные материалы будут не только интересны, но и полезны думающему учителю.

У меня в газете был легко вынимающийся из её середины вкладыш. Я назвал его «Семинарий» и отдавал целиком под какую-нибудь проблему школьного литературоведения, или под авторские уроки литературы, или под уроки литературы такого-то региона, или под сочинения учеников, которые мне присылали их учителя. «Семинарий» был немалого объёма: 2 печатных листа, то есть 80000 знаков с пробелами, как сосчитает вордовская статистика в компьютере. Бен Сарнов писал большие статьи. Они как раз занимали весь мой «Семинарий».

Но однажды он принёс работу о Шкловском, которая оказалась непомерно велика: вдвое больше «Семинария». В принципе от четырёхлистных материалов откажется любой отдел критики толстого журнала. Я так и сказал об этом Бену. Он ответил, что не против сокращений, но наметить их должен я.

Прочитав статью, я понял, что сокращать её – значит изуродовать. Если её печатать, то целиком. И я напечатал эту работу Сарнова в двух номерах. Это был единственный случай, когда материал, занявший в номере целиком весь «Семинарий», оповещал в конце: *«Продолжение следует»!*

Сейчас, когда моего товарища уже нет среди нас, можно

смело сказать: это был один из выдающихся критиков и литературоведов советского и постсоветского периодов. А, может быть, и самый выдающийся. Он не увлекался, как многие, играми структурного литературоведения, хотя хорошо разбирался в его проблемах. Писал он легко и доступно. Порой в его работах попадались фразы, высказанные как бы в стилистике Зощенко – любимого писателя Бена. Но не потому, что он ему подражал. А потому что сигналил: речь сейчас пойдёт о том, что требует осмеяния.

Он напоминал мне ювелира, умеющего отличить и изобразить весьма умелую, мастерскую подделку под подлинник.

Много лет назад, когда нашими сердцами завладели вышедшие на эстраду Евтушенко и Вознесенский, собиравшие даже не полные залы, а полные стадионы восторженных поклонников, Сарнов выступил в «Литературной газете» со статьёй «Если забыть о часовой стрелке», где предостерег от обольщения кумирами, напомнил, что в русской поэзии остались только те, кто, следуя минутной стрелке часов – то есть отзываясь на сиюминутную действительность, не упускал из виду и часовую стрелку, благодаря которой заявленная в стихах авторская реальность обретала черты вечности.

Лично меня эта статья отрезвила. Сарнов помог мне уяснить, для чего вообще существует на свете литература.

Отголоски той давней статьи слышатся и в одной из по-

следних книг Сарнова – в его «Феномене Солженицына». Дело не только в том, что он с горечью констатирует нравственное падение человека, всерьёз вообразившего, что его рукой водит Бог. Дело ещё и в том, что критик судит произведения Солженицына, как стал бы судить вещи любого другого писателя, – по высшему – так называемому «гамбургскому счёту». И убедительно показывает их художественные просчёты. А для этого вскрывает тексты некогда любимых нами вещей – ну, допустим, «Матрёниного двора» и с поразительной стилистической точностью указывает на те элементы поэтики в этом произведении Солженицына, которые фальшивят, выбиваются из данного контекста, из данной поэтики. До Сарнова такой разбор солженицынских произведений не предпринимал никто. Между тем именно такой критический разбор и определяет место писателя в национальной, а в данном случае – и в мировой литературе, определяет, насколько основательны его претензии на вечную прописку в ней.

Умер Бенедикт Михайлович недавно 20 апреля 2014 года (родился 4 января 1927-го).

Виктор Суворов – довольно известный перебежчик на Запад носил фамилию Резун и звался Владимиром Богдановичем. Владимир Богданович Резун (родился 20 апреля

1947 года) в армии, начиная с 11 лет – с Суворовского училища. В 19 лет – член КПСС. Окончил Киевское высшее общевойсковое командное училище с отличием. Принимал участие в агрессии в Чехословакии. С 1970 года – в номенклатуре ЦК КПСС. В 1971—1974 учился в Военно-дипломатической академии.

Ну, а потом – Женева. Резидентура ГРУ.

В 1978 году исчез из своей женовской квартиры. И только его и видели! 28 июня 1978 года английская пресса сообщила, что Владимир Богданович вместе с семьёй находится в Англии.

А потом, как из мешка Деда-Мороза, на советского читателя посыпались подарки – книги.

«Аквариум» (1985), «Ледокол» (1968—1981, исправленное: 2014), три книги «Освободителя», «День М», «Выбор» и т. п.

Много книг написал Суворов. Разной художественной ценности. Есть удивительно профессионально написанные. Есть – так себе. Есть книги, противоречащие друг другу.

Но главное, что он, по-моему, сумел доказать, – это Сталин не только принял доктрину, согласно которой враг будет разбит на его территории, но и сам в неё истово поверил.

Поэтому разрушил укрепления вокруг старых границ, наспех сооружал новые. А танки и самолёты, в которых у нас было неоспоримое превосходство, почти подтянул к новым границам.

Точнее – так было с самолётами. Танковой армии Сталин не создал. Как выяснилось, он хотел воевать как в гражданскую – на конях. А танки роздал по всем армиям, как тачанки, которые идут впереди конницы.

Неудивительно, что за два-три дня гитлеровцы, почти не встречая сопротивление, углубились в Украину и Белоруссию. А самолёты, стоящие на аэродромах вблизи границ, не сумели взлететь: их разбомбили немцы.

С чем здесь можно спорить? Только, может быть, с тем, не напрасно ли гитлеровцы доверились союзникам-финнам и позволили устроить так называемую Дорогу жизни из Ленинграда. Или с тем, надо ли было немцам остановиться в Химках, чтобы подтянуть свои резервы. Но в этих их ошибках Сталин неповинен.

И, наконец, ещё одна значимая деталь, замеченная Суворовым. Сталину не нужна была Восточная Европа. Ему нужна была вся Европа. Поэтому так быстро разладились отношения с бывшими союзниками.

Единственное, о чём думаешь, читая книги Суворова: как всё-таки хорошо, что Сталин не прожил ещё 10—15 лет! Кто знает, что пришло бы в голову этому человеколюбивому болвану. Не швырнул бы он атомную бомбу в своих бывших союзников? Мог ведь. И, наверное, думал над этим.

21 апреля

Я дружил с Танечкой Бек. Татьяна Александровна Бек (родилась 21 апреля 1949 года) была не только хорошим поэтом, но невероятно преданным поэзии человеком. И многое в ней понимала, и много об этом писала. В том числе и для меня – в газету «Литературу».

А здесь ещё оказалось, что её привлекает жанровое разнообразие стихов Окуджавы. Вместе с Сергеем Чуприниным Таня вела семинар в Литературном институте и рассказала своим студентам-поэтам об этом своеобразии. Оно их заинтересовало. Их интерес её подогрел. Она взялась написать статью об этом для «Литературы», которую я с удовольствием напечатал. Потом она выступала с ней на конференции, посвящённой творчеству Окуджавы. На мой вкус, эта статья является самым значительным вкладом в понимание жанровой природы стихов и песен Булата Окуджавы.

Любимым Таниным современным поэтом был Евгений Рейн. Мне многие его стихи тоже нравились. И всё же Олега Чухонцева я ценил гораздо больше. Мы не то что спорили с Таней, но оставались каждый при своём мнении.

Стихи Рейна взхлёб читал мне Александр Межиров, который часто посиживал в моём кабинете «Литературной газеты». *«Ну ч-что в-вы, – говорил он, заикающийся от природы, – к-как-кой Ч-чухонцев б-ольшой п-оэт? Разве м-ожно*

с-срав-внить с Рейном?»

С Межировым я спорил. Да, говорил, есть у Рейна замечательные стихи. Но много провальных. А у Олега провалов не бывает. И замечательные стихи Олега выше замечательных стихов Жени, которые выдают последователя традиции питерской школы начала XX века. Олег – кошка, гуляющая сама по себе!

– *П-пушк-киниан-нец!* – определял Межиров. Я возмущённо опровергал: это Самойлова можно назвать пушкинианцем, но Чухонцева – с огромной натяжкой.

В то время многие стихи Рейна не печатались и ходили в самиздате. Слышал я их не только от Межирова. Когда зимой на встречу Нового года мы приезжали в дом творчества писателей в Дубултах, то любили по вечерам собираться дружеской компанией у кого-нибудь в номере. Травили байки, слушали песни, которые пел нам Окуджава, и стихи, которые не мог тогда напечатать Олег Чухонцев. Читал стихи и актёр Михаил Козаков. Не свои стихи, а тех, кого он любил. Среди них и Рейна.

Но Рейн мне не нравился по-человечески: самоупоён, бесцеремонен, хвастлив. Детские его стихи публиковали очень охотно. Рейн выпустил много детских книжек, которые издавались огромными тиражами. Так что он не бедствовал.

Поэтому я удивился, когда в ранние горбачёвские годы после первого творческого вечера Рейна, который официально разрешили провести в Малом зале ЦДЛ, захотев это

отпраздновать и охотно приняв приглашение поэтессы Тани Щербины ехать праздновать к ней, Рейн скинул шапку: *«У меня ни копейки. А кроме водки и закуски, мне нужно будет оставить себе трояк на такси»*. Мы с удовольствием скинулись и поехали к Тане Щербине, которая жила на Садовом кольце, недалеко от нового тогда здания «Литературной газеты», – Гена Калашников, Виктор Ерофеев, я, ещё человек шесть народу.

Рейн дружил с Бродским до его эмиграции. Бродский называл Женю своим учителем. Как только рухнул железный занавес, Женя поехал к нему в Америку.

Печатаясь со старыми своими стихами, Рейн быстро стал уважаемым и авторитетным поэтом. Что, конечно, справедливо. Стал преподавать в Литинституте и постоянно выезжать за границу.

Таня Бек обожала Рейна. Поэтому как личную трагедию восприняла его согласие переводить вместе с Михаилом Синельниковым и Игорем Шкляревским стихи Туркменбаши, бывшего первого секретаря ЦК компартии Туркмении, захватившего в ней власть после распада СССР и заставившего подданных обожествить себя, ставшего типичным восточным деспотом.

Рейн объяснял своё согласие тем, что речь идёт о стихах, а не о политических трактатах. *«Кроме того, – сварливо добавлял он, – у меня подчас в доме не на что даже пельмени купить»*. Что возмутило знающего его Андрея Бито-

ва: «*Столько печатается, столько внушительных денежных премий получил, и не на что купить пельмени?*»

Циничное и фальшивое самооправдание столь почитаемого Таней человека, вероятно, доставило ей большую боль. Тем больше уважения внушает то обстоятельство, что она нашла в себе силы выступить с резкой оценкой поступка бывшего друга («НГ-Ex Libris», 23. 12. 2004): «*антисобытием года назову письмо троих известных русских поэтов к Великому Поэту Туркменбаши с панегириком его творчеству, не столько безумным, сколько непристойно прагматичным*». Но далась ей эта история настолько душевно трудно, что, возможно, уже не хватило сил жить дальше. Меньше чем через месяц она умерла. Было это 7 февраля 2005 года.

Одной из последней её прижизненной книгой была «До свиданья, алфавит!», пророческая уже своим названием. Да и резануло меня, когда я читал, как она пишет о могилах отца и матери на Немецком кладбище. «*Придёт время, — примерно в таком духе загадывала Таня, — и я лягу рядом*».

И о том же — в стихах, написанных, очевидно, несколько раньше:

*Похоронив родителей,
Которых не жалели,
Мы вздрогнем: всё разительней
И горше запах ели.
Очнётся от безволия,
Чей вкус щемяще солон, —*

Над кубом крематория
Слышнее птичий гомон.
Утрата непомерная
Под крик весёлой птицы...
О жизнь моя, о смерть моя, —
Меж вами нет границы.

Гога Анджапариздзе – сибарит, любитель женщин и красивой жизни. И все это он, родившийся 21 апреля 1943 года, имел уже после окончания аспирантуры филологического факультета МГУ. Ему доверили сопровождать писателя Анатолия Кузнецова в Лондон, и первая его фраза журналистам, когда он узнал, что Кузнецов убежал от него и попросил убежища в Лондоне, была: *«Господа, я больше никогда не увижу Англию!»*

Но он увидел ещё не только Англию, он увидел почти весь мир.

Был ли связан Георгий Андреевич с КГБ? Несомненно. Почему ему простили Кузнецова? Думаю, потому, что место, какое выбрал для него КГБ, было повыше простого стукача, которого, конечно, погнали бы в шею за подобную историю. Нет, Гога официально после аспирантуры работал в ИМЛИ, оттуда его никто увольнять не стал и после приезда из Лон-

дона. Посидел на научной работе учёного секретаря сектора. Но создаётся новое издательство «Радуга», и Гога переходит туда главным редактором. Большая должность, если учесть, что в стране есть уже издательство иностранной литературы. Какая же была необходимость в создании ещё одного?

«Радуга» сосредотачивалась на выпуске книг писателей, так сказать, элитных стран. США, Европа, Канада, Австралия. От Гоги зависит, кто едет договариваться о переводе, с кем будут вести переговоры, кукую сумму обещать. А главный редактор сможет ездить в командировки? Смешной вопрос. Конечно, может. Значит, прощён Гоге Кузнецов? Ах, да про него попросту забыли. Ну, был такой неприятный в карьере Анджапаридзе эпизод! Был и сплыл.

Что это так, показывает 1987 год, когда Георгия Андреевича назначают директором самого большого издательства страны «Художественная литература». Правда, через год освободилось место главного редактора журнала «Иностранная литература». Редакторов уже не назначали, а выбирали. Гога подал заявку. Но его прокатили. Гога рассердился. Одно время он носился с идеей создать при «Художественной литературе» литературно-художественный журнал «Ниагара». *«Я в этом водопаде утоплю „Иностранку“»*, – говорил он. Но не смог. Книжная политика обновлялась на глазах. И он, директор крупнейшего издательства, почувствовал, что не то что он сможет кого-нибудь потопить, но как бы он сам не пошёл ко дну вместе со всей «Художественной ли-

тературой»!

И тогда он со своего капитанского мостика спрыгнул. То есть, получилось не так. Спускаясь со сцены кинотеатра «Октябрь», он остутился и сломал шейку бедра. Оказался прикованным к постели. Подал заявление об уходе на пенсию. Но неуёмная его энергия вынесла к трём владельцам нового издательства «Вагриус» – Васильеву, Григорьеву, Успенскому. Под патронатом Гоги выходят переводные книги. По Гогиной наводке их переводят. Тем более, что все наши лучшие переводчики свидетельствуют: вкус у Гоги отменный. Жуир, он устраивается летом в круизы на теплоходы как англоязычный гид.

Одна только загадка меня и сейчас занимает. В России создаётся новая правозащитная организация Пен-центр. Так вот в ноябре 2000 года в Военную коллегия Верховного Суда РФ направляется письмо Пен-центра, который требует прекращения уголовного дела Григория Пасько в связи с отсутствием состава преступления и возбуждения дела против Федеральной службы безопасности Тихоокеанского флота за привлечение к суду заведомо невиновного.

Письмо подписывают А. Битов, Е. Рейн, И. Ратушинская, Ю. Мориц, З. Богуславская (ну, не стану перечислять состав руководства Пена) и... Гога Анджапаридзе. Его-то для чего привлекли? Неужто, чтобы с самого начала дискредитировать правозащитников.

Скончался Георгий Андреевич 22 мая 2005 года.

Эдуард Аркадьевич Асадов – поэтический кумир многих, особенно женщин в моей юности. Но и столь же горячо нелюбимый стихотворец тоже очень многих. Спорить о его стихах было бессмысленно. Почитатели не смогли бы убедить ниспровергателей.

Ниспровергатели были поставлены в не совсем удобное положение. Дело в том, что Эдуард Асадов, умерший 21 апреля 2004 года (родился 7 сентября 1923-го), на войне потерял зрение. Ходил в чёрной полумаске. И, критикуя его стихи, а тем более доказывая, что это не поэзия, вы вроде брали под сомнение его героическую жизнь. Для многих стихи Асадова и его слепота были связаны.

Дело осложнялось ещё и тем, что поклонники Асадова были преданы поэту. И заполняли любой зал, что называется, под завязку. И, простите, но приходится вспомнить крыловское: «Вещуньяина с похвал вскружилась голова». Асадов вот в каком духе отвечал своим критикам:

*Мне просто жаль вас, недруги мои
Ведь сколько лет, здоровья не жалея,
Ведёте вы с поэзией моею
Почти осатанелые бои
Что ж, я вам верю: ревность – штука злая,*

Когда она терзает и грызёт,
Ни тёмной ночью спать вам не даёт,
Ни днём работать, душу иссушая.
И вы шипите зло и раздражённо,
И в каждой фразе ненависти груз. —
Проклятье, как и по каким законам
Его стихи читают миллионы
И сколько тысяч знает наизусть!
И в ресторане, хлопнув по второй,
Друг друга вы щекочете спесиво! —
Асадов – чушь. Тут всё несправедливо!
А кто талант – так это мы с тобой!..
Его успех на год, ну пусть на три,
А мода схлынет – мир его забудет.
Да, года три всего, и посмотри,
Такого даже имени не будет!
А чтобы те пророчества сбылись,
И тщетность их отлично понимая,
Вы за меня отчаянно взялись
И кучей дружно в одного впились,
Перевести дыханья не давая.
Орут, бранят, перемывают кости,
И часто непонятно, хоть убей,
Откуда столько зависти и злости
Порой бывает в душах у людей!
Но мчат года: уже не три, не пять,
А песни рвутся в бой и не сгибаются,
Смелей считайте: двадцать, двадцать пять
А крылья – ввысь, и вам их не сломать,

А молодость живёт и продолжается!
Нескромно? Нет, простите, весь свой век
Я был скромней апрельского рассвета,
Но если бьют порою как кастетом,
Бьют не стесняясь и зимой и летом,
Так может же взорваться человек!
Взорваться и сказать вам: посмотрите,
Ведь в залы же, как прежде, не попасть,
А в залах негде яблоку упасть.
Хотите вы того иль не хотите —
Не мне, а вам от ярости пропасть!
Но я живу не ради славы, нет,
А чтобы сделать жизнь ещё красивей,
Кому-то сил придать в минуты бед,
Влить в чьё-то сердце доброту и свет
Кого-то сделать чуточку счастливей!
А если вдруг мой голос оборвется,
О, как вы страстно кинетесь тогда
Со мной ещё отчаянней бороться,
Да вот торжествовать-то не придётся,
Читатель ведь на ложь не поддаётся,
А то и адресует кой-куда...
Со всех концов, и это не секрет,
Как стаи птиц, ко мне несутся строки.
Сто тысяч писем – вот вам мой ответ!
Сто тысяч писем светлых и высоких!
Не нравится? Вы морщитесь, кося?
Но ведь не я, а вы меня грызёте!
А правду, ничего, переживёте!

*Вы – крепкие. И речь ещё не вся.
А сколько в мире быть моим стихам,
Кому судить поэта и солдата?
Пускай не мне, зато уж и не вам!
Есть выше суд и чувствам и словам.
Тот суд – народ. И заявляю вам,
Что вот в него-то я и верю свято!
Ещё я верю (а ведь так и станется!),
Что честной песни вам не погасить.
Когда от зла и дыма не останется,
Той песне, ей-же-богу, не состариться,
А только крепнуть, молодеть и жить!*

«Поэт и солдат» – Асадов всю использовал этот образ. И ведь не возразишь. Солдатом Асадов действительно был. А что до поэта, то разницы между поэзией и стихотворчеством его поклонники не понимали. Его обожали любители назидательных вирш.

Вот – одно из самых дискуссионных его стихотворений. Оно называется «Ночь»:

*Как только разжались объятия,
Девчонка вскочила с травы,
Смущённо поправила платье
И встала под сенью листвы.
Чуть брезжил предутренный свет,
Девчонка губу закусила,
Потом еле слышно спросила:*

– Ты муж мне теперь или нет?
Весь лес в напряжении ждал,
Застыли ромашка и мята,
Но парень в ответ промолчал
И только вздохнул виновато...
Видать, не поверил сейчас
Он чистым лучам её глаз.
Ну чем ей, наивной, помочь
В такую вот горькую ночь?!
Эх, знать бы ей, чуют душой,
Что в гордости, может, и сила,
Что строгость ещё ни одной
Девчонке не повредила.
И может, всё вышло не так бы,
Случись эта ночь после свадьбы.

Ну, можно ли спорить с теми, кто утверждает в стихах, что лучше быть здоровой и красивой, чем бедной и больной? То же происходило и со стихами Асадова. Нехитрая дидактика, подкреплённая серьёзным увечьем автора, кружила головы даже аморальным людям. Можно сказать: в первую очередь им и кружила. Отрезая любые возможные развития жизненной ситуации, кроме единственной, Асадов оказывался рупором коллектива, толпы. Такая поэзия не помогала жить, а предугаживала жить по нерушимой моральной схеме.

Не сомневаюсь, что и сегодня у стихов Асадова есть поклонники. Хотя стихами от этого они по-прежнему не ста-

НОВЯТСЯ.

22 апреля

Сталинскую премию Иван Антонович Ефремов (родился 22 апреля 1908 года) получил в 1952 году не за литературное произведение, а за научный труд «Тафономия и геологическая летопись», который лёг в основу нового направления в палеонтологии, позволяющего предсказывать место обнаружения ископаемых остатков. И это притом, что и его художественные произведения многое предсказывали.

Ещё в 1944 году – задолго до начала космической эры он написал повесть «Звёздные корабли» – об инопланетянах, посетивших землю. Он писал её, мучимый тяжёлыми приступами тифоидной лихорадки, полученной писателем во время одной из экспедиций. Болезнь оказалась неизлечимой, и он спешил писать, спешил передать свои научные предвидения в художественной форме.

Опытный геолог Ефремов заставил героя своего рассказа «Алмазная трубка» искать и находить подтверждения собственной догадки, что на севере Сибири есть месторождение алмазов. Года через три геологи действительно обнаружили в Якутии, примерно там же, где его обнаружили герои Ефремова, алмазное месторождение.

Серия «Рассказов о необыкновенном» снискала Ефремову известность, рассказы были переведены на многие языки. Но настоящую славу принесли Ефремову его повести и ро-

маны.

Первым крупным произведением Ефремова стали исторический роман «На краю Ойкумены» (1949) и его продолжение «Путешествие Баурджеда» (1953). Но читателей особенно увлекла «Туманность «Андромеды» (1957) – философско-утопический роман о коммунистическом будущем цивилизации Земли, оказавший огромное влияние на развитие отечественной фантастики.

«Появилась новая книга – „Туманность Андромеды“ Ивана Ефремова, пронизанная историческим оптимизмом, верой в прогресс, в светлое коммунистическое будущее человечества, – писал в газете „Правда“ 26 мая 1961 года Юрий Гагарин. – У себя в комнате мы читали её по очереди. Книга нам понравилась. Она была значительней научно-фантастических повестей и романов, прочитанных в детстве. Нам полюбились красочные картины будущего, нарисованные в романе, нравились описания межзвёздных путешествий, мы были согласны с писателем, что технический прогресс, достигнутый людьми спустя несколько тысяч лет, был бы немислим без полной победы коммунизма на Земле».

Тем большим потрясением для читателей оказался роман Ефремова «Час быка» о противостоящей светлому миру мрачной антиутопии планеты Торманс, управляемой олигархией. Торманс – планета эволюционного тупика, в который зашла цивилизация, нарушившая взаимозависимость науч-

но-технического и нравственного прогресса. Пренебрежение нравственной составляющей прогресса, чрезмерно-раздутая другая его составляющая – научно-техническая, которая оказалась абсолютно определяющей путь, по какому пошли властители, – всё это привело к роковым последствиям и для этической, и для экологической ситуации на планете. Роман в искажённом цензурой виде выпустили, но и искажённый он свидетельствовал о том, что гибель цивилизации произойдёт от её морального износа, от духовного оскудения человечества. Поэтому после смерти Ефремова 5 октября 1972 года через 5 дней – 10 октября в его квартиру пришли с обыском. Искали вредную идеологическую литературу, забрали все черновики, даже письма к жене. А роман изъяли из обращения.

И всё сделали для того, чтобы само имя писателя было забыто на 18 лет. Вновь появилось оно в печати только благодаря перестройке.

Михаил Михайлович Козаков мне очень нравился в школе в фильме «Убийство на улице Данте». Хотя когда я позже пересмотрел его, то поразился своему юношескому восторгу: дебютная роль Козакова в кино не так уж и хороша. Вот его Шарль Гранде в фильме «Евгения Гранде» гораздо более убедителен.

А в начале семидесятых мы познакомились и подружались. Миша зимой приезжал встречать Новый год в Дубулты в дом творчества писателей. И сошёлся с нашей почти постоянной компанией, которая тоже ездила в Дубулты и в которую входили Станислав Рассадин, Олег Чухонцев, Булат Окуджава, Юлик Крелин, Юлик Эдлис, Натан Эйдельман, Алик Борин.

Миша мог часами читать стихи своих любимых Бродского и Самойлова. А мы умели часами не уставать от его чтения: наслаждались!

Когда он получил в 1983-м Госпремию РСФСР имени братьев Васильевых за исполнение роли Дзержинского, всех это страшно смешило. «А сыграл бы ты Ленина, – спрашивали, – если бы тебе светил за это орден Ленина?» «Ленина – только за звезду!» – поддерживал шутку Козаков.

Поэтому меня поразило, когда в его автобиографической книге «Третий звонок» я прочел его признание в многолетнем сотрудничестве с КГБ – с 1956 по 1988.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.